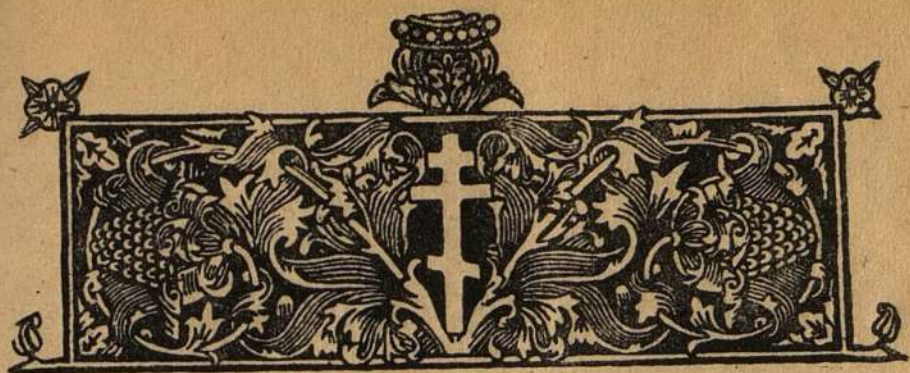
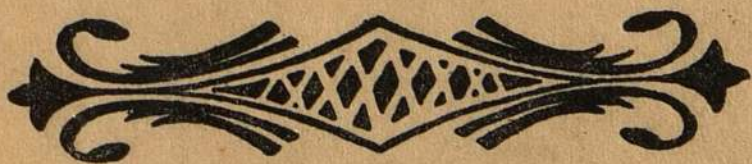




**ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ**

7



1948

ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ

№ 7

И Ю Л Ь

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ
МОСКВА 1948

СОДЕРЖАНИЕ

Церковная жизнь

<i>Митрополит Николай</i> . В Румынии на интронизации Патриарха Юстиниана . . .	3
<i>Протопресвитер Николай Колчицкий</i> . Пребывание Святейшего Патриарха Алексия на Украине	9
<i>Протоиерей Евгений Садовский</i> . Посещение г. Харькова Святейшим Патриархом Алексием	12
Представители Польской Православной Церкви о своем посещении Москвы . .	16

Речи, проповеди

<i>Митрополит Николай</i> . Райские двери	19
---	----

Статьи

<i>Профессор — протоиерей В. Верюжский</i> . Происхождение греко-болгарского церковного вопроса и болгарской схизмы	23
<i>Проф. С. Троицкий</i> . О церковной автокефалии	33
<i>Н. Васильева</i> . На кладбище	55
<i>Р. Днепров</i> . Встреча в Черкизове	57

Из жизни Русских Православных Церквей за границей

Из Средне-Европейского Экзархата. Освящение колокола в Венском соборе	62
Русский Хоповский (бывший Леснинский) монастырь в Югославии	64

Из жизни наших епархий

Из г. Москвы. К 100-летию внесения иконы Божией Матери „Споручницы грешных“ в Николо-Хамовнический храм г. Москвы	65
Из Рижской епархии. — Прибытие в Ригу Митрополита Вениамина	67
Памяти схиигумении Евгении	68
Из Ставропольской епархии. Окончание учебного года в Ставропольской Духовной Семинарии	69
Из Пинской епархии. Краткосрочные пастырские курсы для священно-служителей г. Пинска.	70
Из Буковинской епархии. Освящение церкви.	71

Издатель

МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ

Редактор

РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ

По всем редакционным делам обращаться к ответственному секретарю редакции „Журнала Московской Патриархии“ протонерею А. П. Смирнову — Москва, 34. Чистый пер., 5, Редакция „Журнала Московской Патриархии“.

13-я типография треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при Совете Министров СССР.
Москва, Денисовский, 30. Зак 546

Церковная жизнь

В РУМЫНИИ НА ИНТРОНИЗАЦИИ ПАТРИАРХА ЮСТИНИАНА

24 мая сего года на Соборе Румынской Православной Церкви был избран новый Патриарх на место Патриарха Никодима, скончавшегося в феврале 1947 года. Подавляющее большинство голосов членов Собора (при тайном голосовании) было подано за Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Юстиниана.

Новому Патриарху Юстиниану 47 лет. В 1946 году он в сане епископа сопровождал Патриарха Никодима в его путешествии в Москву с визитом нашему Святейшему Патриарху Алексию.

После своего избрания новый Патриарх обратился к Патриарху Алексию с приглашением прислать представителей Русской Православной Церкви на торжество Патриаршей интронизации, назначенной на 6 июня. Наша делегация, по благословению Святейшего Патриарха Алексия, была составлена из Митрополита Крутицкого и Коломенского Николая, епископа Калининского и Кашинского Арсения, Управляющего делами Экзарха Украины протоиерея К. Ружицкого и секретаря Отдела внешних церковных сношений при Московской Патриархии С. И. Филиппова.

Мы вылетели из Москвы утром 4 июня и в 3 часа этого же дня на аэродроме Бухареста были встречены представителями Румынского Патриарха: Митрополитом Ефремом и епископом Афанасием, Директором Святейшего Синода протоиереем Г. Винтилеску, Генеральным секретарем Министерства Культур протоиереем И. Васка, сотрудниками Советского Посольства, духовенством и верующими. С Митрополитом Ефремом и протоиереем И. Васка мы обменялись приветственными речами.

С аэродрома мы направились в Патриархию, при входе в которую нас сердечно приветствовал новый Патриарх. Здесь нам были приготовлены комнаты на дни нашего пребывания в Бухаресте.

На другой день мы сделали визиты Послу СССР в Румынии С. И. Кавтарадзе, г. Премьер-Министру д-ру Петру Гроза и г. Министру культов профессору Станчу-Стоян.

Вечером в субботу 5 июня начались интронизационные торжества. В 5 часов, в зале Патриархии, состоялось специальное заседание Святейшего Синода. На нем члены Синода приносили поздравления вновь избранному Патриарху. Мы были приглашены в зал заседания, где Патриарх Юстиниан и Министр культов обратились с приветствиями к прибывшим в Румынию делегациям Русской и Болгарской Церквей (Болгарскую Церковь представляли Митрополит Пловдивский Кирилл и епископ Парфений). Митрополит Николай отвечал на приветствия.

Из заседания Синода все румынские епископы направились в Патриарший собор (он находится рядом с Патриархией) и здесь, в присут-

ствии Румынского Епископата во главе с Патриархом Юстинианом, при большом стечении народа, Митрополит Крутицкий Николай совершил панихиду у гробниц Румынских Патриархов Мирона и Никодима, прах которых почивает в этом соборе. Перед панихидой Митрополит Николай сказал следующее слово памяти почивших:

«Русская Православная Церковь хорошо знает, как Церковь Румынская глубоко чтит память двух своих выдающихся Патриархов: Святейшего Мирона и Святейшего Никодима, около места вечного упокоения которых мы стоим.

Но имена великих церковных деятелей и подвижников веры принадлежат не только тем Церквам, которые их родили и воспитали, в пределах которых они в трудах совершали свой земной путь и прах которых эта Церковь хранит у себя, как свою святыню.

Такие люди принадлежат всей Православной Церкви в целом — Вселенской Церкви.

Потому и Русская Церковь с глубоким благоговением произносит имена приснопамятных Патриархов Мирона и Никодима, все свои силы без остатка отдавших делу укрепления Православия в своей стране, всю свою долгую жизнь посветивших великим трудам во славу Божию и всем нам родного и дорогого святого Православия.

Наш душевный долг, преклонив колена сердец наших перед священными могилами, вознести Пастыреначальнику нашему Господу Иисусу Христу усердную молитву о том, чтобы Господь увенчал их земной путь венцом вечной славы и ниспослал им блаженное упокоение в светлых обителях Царства Небесного».

Пел хор русской церкви в Бухаресте. Сразу после панихиды совершалась торжественная вечерня с литией и освящением хлеба.

6 июня состоялась самая интронизация нового Патриарха. Начало торжеству было положено в здании Великого Национального Собрания, куда к 10 часам утра собрались: Президиум Великого Национального Собрания, члены Правительства во главе с Премьер-Министром, Дипломатический корпус, депутаты, многочисленные гости. Прибыли в полных облачениях все Румынские Епископы, и последним вошел новый Патриарх. Министр культов прочитал акт об утверждении Правительством выборов Патриарха Юстиниана. Председатель Президиума Великого Национального Собрания академик Пархон вручил Патриарху патриарший посох и произнес речь, на которую отвечал речью Патриарх Юстиниан. После этого из здания Великого Национального Собрания все присутствовавшие при церемонии вручения патриаршего посоха направились торжественной процессией в церковь св. Спиридона. Впереди шли монахи, за ними священники в облачениях, Архiereи, Патриарх в мантии, делегации Русской и Болгарской Церквей, члены Правительства, Дипломатический корпус, депутаты, высшие чиновники страны и гости. По обоим сторонам улиц Бухареста, по которым направлялось шествие, стояли войска, священники в епитрахильях и камилавках и народ.

По входе в храм св. Спиридона начался молебен. Его совершали три старейших Архiereя Румынской Церкви: Митрополиты Николай и Василий и Архиепископ Фирмилиан. В середине молебна на Патриарха Юстиниана Архiereями были возложены епитрахиль, омофор, две пангии и митра и многократно было возглаголено и пропето: «Аксиос». После молебна Патриарх Юстиниан выслушивал приветствия. Первым сказал Митрополит Николай Балан — от лица Румынской Церкви, за ним — Министр культов, поднесший Патриарху от имени Правительства драгоценную пангию, и после Министра слово было предоставлено представителю Русской Церкви. Митрополит Николай прочитал послание Святейшего Патриарха Алексия следующего содержания:



Вновь избранный
СВЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ РУМЫНИИ
ЮСТИНИАН

«Ваше Святейшество, Святейший Патриарх Румынии Юстиниан!

В знаменательный день Вашего вступления на Патриарший Престол Румынии, от лица Православной Русской Церкви и своего — братски приветствую Ваше Святейшество и выражаю искренние пожелания, чтобы высокое служение Ваше в Дому Божиим было спасительно для Вас и для вверенной Вашему водительству Румынской Церкви.

В силу тех духовных отношений, которые издавна существовали между нашими Церквями и которые укрепились особенно в последнее время, для нас не безразличны как горести, так и радости Румынской Церкви.

Так, мы со скорбью переживали горестное событие — кончину Святейшего Патриарха Никодима, с которым связаны были узами братской любви, благодаря личному близкому общению с ним, как в Москве, так и в Румынии. В нем мы высоко ценили его сердечную любовь к воспитавшей его нашей русской духовной школе, — Киевской Духовной Академии, любовь к нашей Церкви и ее представителям и к русскому народу. Его богословские труды, которым он был предан до последних дней своей жизни, ставили его в ряды авторитетных ученых богословов, каких в таком обилии взрастила наша русская духовная школа. Потеря его, опытного и мудрого церковного Кормчего, является скорбной утратой не только для Румынской Церкви, но и для всей Православной Церкви. И мы с благоговением и молитвой вспоминаем его приснопамятное имя.

С другой стороны, радостным и для нашей Церкви явилось известие о состоявшемся 24 мая избрании Вашей Святыни на вдовствующий Престол Румынского Патриарха. И вместе со всею Румынской Церковью мы молимся, чтобы Господь, благословивший Ваше избрание, благословил и служение Ваше.

Выражаю надежду, что Ваше Святейшество благоволит пожаловать к нам во главе делегации от Румынской Церкви на наше церковное торжество по случаю 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви и на наше Собрание по церковным вопросам в июле этого года.

Молитвенное общение наше да укрепит еще более тесными узами наше духовное единение, и да будет оно на благо и наших Церквей и наших народов».

После вручения послания Патриарху Юстиниану Митрополит Николай произнес от лица делегации следующую речь:

«Ваше Святейшество, Святейший Владыка Патриарх Юстиниан!

Помимо письменного приветствия, которое я только что огласил, благословите живыми словами, устами к устами поздравить Ваше Святейшество от лица делегации Русской Православной Церкви с восшествием на Патриарший Престол Румынской Церкви.

Ведь мы, приехавшие сюда, являемся непосредственными участниками радости Румынской Церкви на торжественном празднике интронизации вновь избранного достойнейшего преемника блаженно-почившего Патриарха Никодима в лице Вашего Святейшества, и наше сердце не может молчать.

В 1947 году, при посещении Румынии нашим Святейшим Патриархом Алексием, многие высокие иерархи Румынской Церкви имели счастливый повод в своих приветственных речах вспоминать о фактах свыше 500-летней дружбы и братского единения наших Святых Церквей.

Многочисленные посещения Румынскими иерархами Соборов и церковных празднеств в прежней России, получение Румынской Церковью церковно-учительной литературы из Киева, обучение в наших духовных школах ряда церковных деятелей Румынской Церкви, деятельность русского старца Пансия Величковского в Румынии, великие труды

Киевского Митрополита Петра Могилы, родом молдаванина, — все это свидетельствует о самом тесном взаимобращении наших Сестер-Церквей на протяжении ряда веков.

В последние три года эти чувства нашего братства и дружбы получили новый стимул для своего расширения и углубления. Эти три года насыщены частыми встречами представителей Русской и Румынской Церквей и в нашей стране и у вас. И эти встречи, и пребывание в Москве Святейшего Патриарха Никодима в 1946 году, и поездка Святейшего Патриарха Алексия в Румынию в 1947 году — в самой широкой мере способствовали не только укреплению наших взаимных сердечных уз, но и установлению полного единства мнений в отношении тех проблем, какие стоят сейчас перед Православием.

Мы верим в то, что наше единение является залогом дальнейшего усиления духовной мощи Православной Церкви во всем мире, как хранительницы вечной истины и источника всеоживляющей благодати Святого Духа.

Волеизволением Собора Вашей Святой Церкви, Ваше Святейшество поставляется первым Патриархом Румынии при новом ее государственном строе, после провозглашения Румынской Народной Демократической Республики. Русская Церковь глубоко уверена в том, что Ваша Святая Церковь в новой Республике, под мудрым руководством Вашего Святейшества, будет идти по пути еще большего процветания, как сейчас, в новых внешних условиях своего бытия, цветет и живет полной жизнью наша Русская Церковь.

Мы молим Пастыреначальника нашего Господа Иисуса Христа об укреплении Ваших сил для служения этому делу процветания Святой Румынской Церкви и о даровании Вам многих лет жизни, чтобы Вам видеть самому благословенные Богом плоды Вашего Первосвятительства.

Да процветает Святая Румынская Православная Церковь!

Да здравствует ее новый Святейший Патриарх Юстиниан!

Последние слова Митрополит Николай произнес на румынском языке. За Митрополитом Николаем выступил представитель Болгарской Церкви — Митрополит Кирилл. Патриарх Юстиниан заключил торжество своим благодарственным словом.

В том же порядке процессия направилась по улицам Бухареста в обратный путь, в Патриархию, где был предложен обед в честь участников интронизации и гостей. Митрополит Николай за обедом приветствовал нового Патриарха, отметив в своей речи любовь его к Русской Церкви и нашей стране.

В 6 часов вечера этого же дня в лучшем концертном зале Бухареста «Атенеум» был дан духовный концерт в честь нового Патриарха и всех прибывших на торжество.

Из концертного зала наша делегация направилась в русскую церковь, где была торжественно встречена русскими прихожанами этого храма во главе с настоятелем протоиереем П. Статовым. Митрополит Николай совершил молебен и сказал слово о Матери-Родине и Матери-Церкви, после которого долго благословлял людей, переполнивших храм и с неподдельной радостью окружавших русского Митрополита и его спутников.

Во время нашего пребывания в Бухаресте мы посетили Библейский Институт и ряд храмов и монастырей как в столице, так и в окрестностях: храм св. Антима, церковь Ставрополеос, женский монастырь Плумбуита — в Бухаресте, женские монастыри Пассеря (в 12 км от Бухареста) и Циганешти (35 км от Бухареста) и мужской монастырь Келдерушан (40 км от Бухареста).

В понедельник 7 июня мы присутствовали на обеде, устроенном Ми-

нистром культов в честь Патриарха Юстиниана, Румынского Епископата и гостей. За столом Митрополит Николай приветствовал г. Министра речью.

Вечером в тот же день мы были на приеме у Премьер-Министра д-ра П. Гроза. По окончании ужина Митрополит Николай обратился к г. Премьер-Министру с приветственной речью, в которой призвал благословение Русской Церкви на благородные и одушевленные труды д-ра П. Гроза для счастья и блага румынского народа.

8 июня утром мы вылетели в Москву. Проводить нас на аэродром прибыли Святейший Патриарх Юстиниан, представители Святейшего Синода, Министерства культов и нашего Посольства.

Во все дни пребывания в Бухаресте мы были окружены исключительным вниманием со стороны Патриарха Юстиниана, который поручил нам передать Святейшему Патриарху Алексею чувства своей искренней любви к нему и преданности и чувство глубокого уважения к Русской Церкви.

Отрадно было видеть, какую глубокую и незабвенную память оставил Святейший Патриарх Алексей в сердцах румынских Архиереев, духовенства и верующего народа в дни своего пребывания в Румынии в 1947 году. С кем мы ни встречались в Бухаресте и его окрестностях, все спрашивали у нас о здоровье Патриарха Алексия и в трогательных словах просили передать ему приветы.

Митрополит Николай

ПРЕБЫВАНИЕ СЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА НА УКРАИНЕ

Весь Великий пост в этом году Сятейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий совершал богослужения в своем Патриаршем соборе, а на Страстной седмице служил ежедневно. В неделю Антипасхи Сятейший совершил в Патриаршем соборе хиротонию архимандрита Филарета во епископа Рязанского и Касимовского. В четверг на Фоминой неделе, Сятейший выехал на Украину поклониться Сятыням Украины и посетить свою Украинскую паству. Его сопровождали: Управляющий делами Московской Патриархии протопресвитер Н. Ф. Колчицкий, архидиакон Антоненко и личный секретарь.

Первым городом Украины, который посетил Сятейший Патриарх, был город Харьков. На границе Харьковской области в Белгороде Его Сятейшество был встречен епископом Черновицким Андреем и благочинным церковей г. Харькова. Несмотря на ранний час — около 6 часов утра — на перроне для встречи Патриарха собралось множество народа и духовенства во главе с архиепископом Стефаном. Сятейший первое богослужение совершил 15 мая в Благовещенском кафедральном соборе, в день празднования памяти Сятителя Афанасия Лубенского и всея России чудотворца, св. мощи которого почивают в этом соборе. Второе Патриаршее богослужение было совершено в воскресенье 16 мая в этом же соборе. В первый день Патриарху сослужило 43 священника, во второй — 65. Была организована торжественная встреча: с крестами, хоругвями вышли из собора на встречу Патриарху; горячее слово архиепископа, поднесение хлеба-соли и святой иконы создало умиленную картину встречи родного отца с дорогими детьми. Многие плакали от умиления, что видят Сятейшего.

Харьковский верующий народ с необычайной теплотой и восторгом приветствовал Патриарха. В соборе, где могло вместиться до 8 тысяч человек, не оказалось места для всех стремящихся присутствовать на Патриаршем богослужении: множество народа стояло на ступенях храма и на площади перед собором.

В своем слове к молящимся после Литургии Сятейший отметил как благочестие, так и сердечность украинского народа. Он благодарил собравшихся за искренние чувства, выраженные при встрече и призывал на украинский народ, на их жилища и поля Божие благословение. Заметно было, какое большое духовное удовлетворение испытывал архиепископ Харьковский Стефан, видя, как его харьковская паства благоговеет перед Сятейшим и выражает ему свои искренние чувства, как Первоиерарху Русской Православной Церкви.

Сятейший остался очень доволен посещением Харькова.

Дальше предстояло посетить г. Полтаву. Пользуясь чудной майской погодой, поездку совершили на машинах.

В Полтаве, у собора, Сятейшего ожидала масса верующих. Собор

не мог вместить и десятой части всех собравшихся. Святейший со святой посетил Шведскую могилу и поздно вечером отбыл в Киев.

В Киеве, на вокзале, весь перрон был занят верующими, желавшими встретить Патриарха, во главе с Митрополитом Киевским и Галицким Иоанном — Экзархом всея Украины, многочисленным духовенством Киева и прибывшими из других областей Украины епископами: Никоном Ворошиловградским, Нестором Мукачевским и др. В руках верующих были букеты цветов, которыми они устилали путь Святейшему. Громогласное «Исполла эти деспота» раздалось на перроне, когда Патриарх вышел из вагона.

Верующие г. Киева в огромном количестве посещали богослужения Патриарха и с благоговением слушали его архипастырские поучения. Торжественное богослужение было совершено в знаменитом Владимирском соборе, который сейчас восстанавливается в своей прежней красоте. Над его восстановлением работают лучшие московские и украинские художники. Огромный ответственный труд по восстановлению собора взял на себя Владыка Экзарх Митрополит Иоанн и его ближайший помощник — Управляющий делами Экзархата протонерей Ружицкий, которые, не щадя сил, много внимания уделяют этому делу, вкладывая в восстановление и свои личные средства. Восстановленный Киевский Владимирский собор будет вечным памятником их трудов и забот. Уже сейчас всякий входящий в собор с восторгом останавливается перед Васнецовской иконой Божией Матери. Как живая, Богоматерь смотрит на входящих и своим кротким, нежным взором умиляет дух верующего. В этом соборе 22 мая совершены торжественная всенощная и Литургия в день Святителя Николая. Во время богослужения пели 3 хора — 2 монастырских и соборный. Но особый восторг Патриарха вызвало общенародное пение. Патриарх почувствовал, как певуча Украина, когда мощное пение почти 10 тысяч молящихся славilo Святителя Николая: «Радуйся Николае, великий Чудотворче».

В своих словах к молящимся Святейший называл Украину «святой Украиной», а верующих «боголюбивыми». Он с великой теплотой отмечал их сердечное чувство к нему, как к Патриарху.

К сожалению, усталость и преклонные годы не позволили Святейшему благословить в отдельности каждого верующего: для этого потребовался бы целый день. Святейший после продолжительного богослужения отбыл в покои Митрополита Иоанна. Там, за трапезой, как дети вокруг своего отца, собрались прибывшие Святители из Украины — Львовский архиепископ Макарий, Харьковский архиепископ Стефан, Винницкий епископ Иаков, Черновицкий епископ Андрей, Ворошиловградский епископ Никон и другие. В приеме Владыки Экзарха Иоанна чувствовалось столько ласки и тепла, что все участники трапезы чувствовали себя, как в родной семье. Патриарх в своей беседе за обедом восторгался искренностью чувств украинских верующих, их сердечностью, благодушием. Видно было, что Святейшего глубоко тронули встреча и необычно теплое отношение верующих Киева.

Святейший посетил Лавру, Михайловский монастырь, Духовную Семинарию. В Семинарии он одобрил пение хора. Здесь Святейший сказал семинаристам: «Если вы и учитесь так же хорошо, как поете — то это прекрасно».

В воскресенье 23 мая Патриарх служил Литургию в Покровском женском монастыре, где дал наизидание монахиням святой обители, благословил всех насельниц монастыря и благословил начало реставрации главного собора монастыря, который по своим размерам и архитектуре является исключительным памятником. По восстановлении храм будет служить подлинным украшением города.

Из Киева Патриарх совершил паломничество в Чернигов на поклонение мощам Святителя Феодосия. В древнем кафедральном соборе, даже более древнем, чем Киевский Софийский собор — Патриарх совершил молебен и акафист Святителю Феодосию. Обращаясь к духовенству, собравшемуся из всей Черниговской епархии, Святейший строго, как власть имущий, призвал духовенство быть верным Святой Православной Церкви, быть образцом для верующих своей личной и семейной жизнью и наставлять верующих не только словом, но и делом и подвигом всей своей жизни. Уже при встрече Святейший почувствовал искренние чувства верующих черниговцев и обратился к ним со словами благодарности, заповедуя стоять в вере и правде Божией.

Настоятель собора протоиерей Александр Красковский благодарил Святейшего за посещение древнего града. От имени верующих Патриарху была преподнесена икона Святителя Феодосия. Позднее Святейший посетил Черниговский Троицкий женский монастырь, где ему была предложена трапеза, после которой Патриарх и все его сопровождавшие возвратились в Киев.

25 мая утром Патриарх отбыл в Москву. У Святейшего остались самые теплые и светлые воспоминания от посещения столицы Украины. Святейший увозил в Москву многие драгоценные памятники любви верующих и духовенства к Патриарху. Ему была преподнесена драгоценная икона, подарены художественной работы лампы к гробнице Святителя Алексия и многие другие подарки, имеющие уникальное значение. Специально в память посещения Киева, по заказу Экзарха Украины, был изготовлен драгоценный патриарший посох особенно художественной работы. На его серебряной поверхности, украшенной золотом и эмалью, выгравирован герб Киева и все древнейшие памятники Киевской старины — Софийский собор, Лавра, памятник Крещения Руси и т. д. Так закончилось послепасхальное паломничество Патриарха к святым местам Украины.

На Украине Патриарх воочию убедился в том, как быстро восстанавливается страна и, в частности, храмы, разрушенные и поруганные немецко-фашистскими оккупантами.

Протопресвитер Николай Колчицкий

ПОСЕЩЕНИЕ г. ХАРЬКОВА СЯТЕЙШИМ ПАТРИАРХОМ АЛЕКСИЕМ

(14—17 мая 1948 г.)

Харьков, 14 мая 1948 г. Из вагона поезда выходит, в скромной рясе, в простой скуфейке, Сятейший Патриарх Московский и всяя Руси Алексий. На перроне его встречают: архиепископ Харьковский и Богодуховский Стефан, епископ Сумский и Ахтырский Иларион, епископ Черновицкий и Буковинский Андрей, протопресвитер Николай Колчицкий, прибывший накануне в Харьков, секретарь архиепископа Харьковского протоиерей Е. Садовский и благочинный церквей г. Харькова протоиерей В. Недохлебов.

С вокзала гости вместе с встречающими на автомобилях направляются в одну из лучших харьковских гостиниц «Интурист», откуда, после осмотра Сятейшим помещений, предназначенных для него и его свиты, едут в покои архиепископа Стефана. Несмотря на ранний час, в монастырском дворе Сятейшего уже встречает толпа, жаждущая получить Первосвященительское благословение, а в вестибюле хор монахинь приветствует его радостным пением «Христос Воскресе». После завтрака, предложенного архиепископом Стефаном, Патриарх Алексий со свитой возвращается в гостиницу «Интурист», чтобы отдохнуть после путешествия.

После непродолжительного отдыха Сятейший с архиепископом Стефаном предпринимает осмотр незнакомого ему Харькова и его окрестностей. Первое служение Сятейшим Патриархом Алексием Литургии состоялось 15 мая в Благовещенском кафедральном соборе в день памяти Святителя Афанасия, мощи которого почивают в этом соборе.

Накануне, в пятницу, всенощное бдение совершали: архиепископ Харьковский и Богодуховский Стефан, епископ Сумский и Ахтырский Иларион, епископ Черновицкий и Буковинский Андрей в сослужении 60 городских и сельских священников во главе с протопресвитером Николаем Колчицким. После пения «Хвалите» у раки Святителя Афанасия был соборне прочитан ему акафист, а после отпуста о. протопресвитер обратился к присутствующим со словом, в котором с чувством глубокого удовлетворения отметил, что, возвратившись в Харьков после 25-летнего отсутствия, он нашел в жителях его ту же веру и любовь к храму, которые он когда-то наблюдал, состоя священником Благовещенского собора, и призывал всех присутствующих до конца хранить веру, которая одна только может осмыслить жизнь, и служит единственным утешением в скорбях.

Служба, носившая торжественный характер, закончилась в 11 часов вечера.

На другой день, в субботу 15 мая, с 6 часов утра со всех концов

Харькова уже потянулись толпы богомольцев, стремящихся заблаговременно занять место в храме. А когда в 10 часов открытая машина Патриарха Алексия появилась у собора, последний был уже переполнен. На паперти Первосвятителя встречает крестный ход. Множество икон и металлических хоругвей, ослепительно сияющих в лучах солнца и бряцающих в воздухе подвесками, переливчатый трезвон колоколов, и мощное пение хором: «Ангел вопияше» сливаются в общем торжественном гимне.

Толпа народа также с чувством благоговения встречает Святейшего, и множество цветов, устилающих ему путь, еще более усугубляет торжество.

Староста собора П. В. Коцевалов по русскому обычаю преподносит Святейшему хлеб-соль.

В храме Первосвятителя встречают архиепископ Стефан, епископ Иларион, епископ Андрей и 40 священнослужителей во главе с протопресвитером о. Николаем Колчицким.

Архиепископ Стефан обращается к Святейшему со следующим ответственным словом:

«Ваше Святейшество, Святейший наш Отец, Первосвятитель Русской Церкви!

Благоговейная любовь к Вам паствы Вашей, всюду Вас окружающая, — сретае Вас здесь и ныне с восторженной приверженностью.

О, радостен сей день! Долго мы Вас ожидали. О, как томительны дни ожидания! Теперь Вы с нами. Мы лицом к лицу Вас видим, будем вместе с Вами молиться и непосредственно принимать от Вас Патриаршее благословение. Наша радость усугубляется еще и тем, что этот день исторический, — это первый случай, что наш родной Русский Патриарх посещает наш град Харьков. С неописуемым восторгом, с глубокой сыновней любовью и славой встречаем Вас, Святейший наш Отец и Великий Учитель!

В годину страшных испытаний Вы явили нам пример истинного Архипастыря, делившего со своей Ленинградской паствой, еще будучи Ленинградским Митрополитом, все труды, лишения и опасности, всегда готового душу свою положить за други своя. В патриотической ревности Вы, Святейший Владыко, пошли по стопам своего небесного соименника Святителя Алексия и его друга Преподобного Сергия Радонежского Чудотворца, Вашего в мире небесного соименника, Вы нам явили и являете высокий пример особой безграничной любви к Родине и ближнему.

Ваше сегодняшнее посещение золотыми буквами будет записано в летописи сего собора. Дабы оно оставалось и для Вас памятным, просив Ваше Святейшество принять сию святую икону Божией Матери Озерянской. Эта икона — наша местная святыня. Она — покровительница нашего града Харькова и нашего края — будет духовно связывать Вас и нас.

Примите и сей скромный дар (две панагии и крест из кипарисового дерева весьма тонкой художественной работы), дар веры и любви; он не сияет земным золотом и драгоценными камнями, но в духовном значении он ярче земного золота и драгоценных камней. Такого вида церковные предметы любил Ваш в мире небесный соименник Преподобный Сергий.

Просим Вас в своих молитвах вспоминать сей храм Благовещения Божией Матери и всех нас.

Ваше Святейшество, примите от меня, духовенства и харьковской паствы глубокую сыновнюю благодарность за Ваше посещение нас.

Благоденствуйте, преуспевайте и украшайте нашу Святую Церковь на многая, многая лета!

Войди же, Святейший Владыко, с миром и благословениями в сей дивный собор, собор Божией Матери. Мы Тебя не одни здесь сдвигаем. Глубоко верим, что здесь невидимо присутствует Божия Матерь. Здесь предстоят Святитель Афанасий и блаженный Святитель Харьковский архиепископ Мелетий, мощи коих нетленно пребывают здесь. Матерь Божия Тебя и нас покрывает Своим материнским покровом и благословением, и мы стоим пред Тобой, как дети пред отцом, и в данный момент наши души и сердца жаждут только одного — поскорее с Тобой слиться в молитве. Наши души и сердца жаждут вместе с Тобой просить Господа Бога, чтобы Он благословил благостями венец лета сего. Наши души и сердца стремятся вместе с Тобой поблагодарить Небесного Отца за великую к нам милость. По Твоим Первосвятительским молитвам, Господь благословил нашему славному победоносному воинству под руководством Верховного Вождя освободить наш град и священные земли от немецких захватчиков-агрессоров. Наши души и сердца жаждут Твоих молитв о нас, Твоего Патриаршего благословения и сыновнего лобзания Твоих благословляющих рук.

Прошу и меня не отринуть от любви своей и немощь мою упредить в помощь себе и во благо нашей родной Церкви и дорогой Отчизны. Благословен грядый во имя Господне».

Литургию, перед началом которой у гробницы Святителя Мелетия по нем и покойном Патриархе Сергии была отслужена лития, Святейший Патриарх Алексий совершает в сослужении архиепископа Стефана, епископа Илариона, епископа Андрея, протопресвитера о. Николая Колчицкого и многочисленного сонма духовенства, какого еще не видел Харьков. Образ окруженного этим сонмом Первосвятителя Русской Церкви, его вдохновенное служение, его, полные достоинства, размеренные движения, звуки исполняемых мощным хором церковных песнопений, величественный храм, залитый солнечным светом, сияющим на ликах святых работы Репина, Боровиковского, на причудливой, сохранившей свой блеск, орнаментике стен — все это создавало чрезвычайно трогательную картину, производило неизгладимое впечатление на присутствующих во множестве молящихся, вызывало в них слезы умиления и молитвенного восторга, заставляя забывать «скорбь и тесноту». Этот восторг достиг своего апогея, когда после отпуска Святейший Патриарх обратился с речью к народу, жадно ловившему каждое слово Главы Русской Церкви. Упомянувши о том, что приезд его в Харьков является требованием возложенного на него апостольского подвига, по примеру апостолов Павла и Варнавы, посещавших основанные ими христианские церкви, Первосвятитель с чувством глубокого удовлетворения отмечает наличие веры и любви к храму в жителях г. Харькова, но при этом не может удержаться от чувства некоторой горечи, вызванного картиной разрушений, произведенных в городе войной. К сожалению, эти разрушения не ограничиваются только домами и постройками, но коснулись также и человеческих душ, и, если восстановление разрушенных войной зданий требует много сил и средств, то тем более требуют этого такие драгоценности, как человеческие души. Тем не менее Святейший выражает твердую уверенность, что присутствующие приложат все усилия не только к восстановлению нерукотворенных храмов — своих душ, но также и к полному восстановлению этого рукотворенного храма.

Вечером накануне недели Жен-Мироносиц всенощное бдение в Благовещенском соборе совершали: Преосвященный Иларион, Преосвященный Палладий (Полтавский) и Преосвященный Андрей, в сослужении большого числа священников и при огромном стечении молящихся. Перед канонами Высокопреосвященный Стефан обратился к присутствующим со словом, в котором, поздравив их с радостным собы-

тием — прибытием в Харьков Первоиерарха, приглашал всех завтра, к 10 часам, — началу совершаемой им Литургии, придти в собор, чтобы помолиться вместе со Святейшим и получить от него благословение для себя и своих домов.

Торжественно проходит служение Литургии, еще проникновеннее звучит сегодня голос Святейшего, еще мощнее льются звуки церковных песнопений, еще многочисленнее сонм окружающего Патриарха духовенства: кроме архиепископа, двух епископов и протопресвитера оно насчитывает сегодня 70 человек священников, среди которых вы увидите приехавших из самых глухих уголков епархии в рясах из крашенины. А возвратившись в свои заброшенные среди степного простора села, до конца дней своих будут вспоминать они о том, как они, — скромные сельские батюшки, удостоились чести служить с самим Патриархом, причащаться «от единыя чаши» с самим Главою Русской Православной Церкви.

Проповедь, сказанная на тему праздника протопресвитером о. Николаем Колчицким, с присущим ему красноречием и задушевностью довершает полноту впечатления от торжества.

Какою-то особенной задушевностью и теплотой звучат в качестве заключительного аккорда этого духовного пиршества слова Русского Первосвятителя, когда он, по окончании Литургии, убеждает присутствующих твердо держаться веры и свято хранить любовь — добродетели, составляющие лучшее украшение женщины-христианки. Но особенно трогательно было видеть, как в заключение своей речи Святейший благословляет архиепископа Стефана, а в лице его и всю харьковскую паству, образом Спасителя.

17 мая Святейший Патриарх Алексей, Первосвятитель Русской Церкви, на машине направляется в Полтаву. Оставшиеся с грустью провожают Святейшего взорами, пока машина не исчезает, наконец, вдали.

Протоиерей Евгений Садовский

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ПОЛЬСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ О СВОЕМ ПОСЕЩЕНИИ МОСКВЫ

Православная Церковь в Польше 25 лет тому назад, по независящим от польского православного населения обстоятельствам, оторвалась от единения со своей Матерью-Русской Православной Церковью.

Патриарх Константинопольский Григорий VII, томосом своим от 13 ноября 1924 г. за № 4588, незаконно провозгласил Православную Церковь в Польше автокефальной.

Польское демократическое Правительство, предоставившее полную гарантию и свободу вероисповедания в стране, поощряя оздоровление и нормализацию жизни Православной Церкви в Польше, одобрило и содействовало выезду в Москву к Святейшему Патриарху Алексию, с его согласия, делегации от духовенства и мирян православного населения Польши.

19 июня с. г., в канун праздника Святой Троицы, делегация Польской Православной Церкви в составе Высокопреосвященного Тимофея (Штретер), архиепископа Белостокского и Бельского (глава делегации) и членов ее в лице Георгия (Корянистова), епископа Лодзинского, протоиерея Николая Линчевского, соборного священника г. Лодзи, протоиерея Михаила Кедрова, настоятеля Яблочинского монастыря, протоиерея Евгения Наумова, настоятеля Гданского прихода и Николая Семеновича Серебренникова, представителя гражданского православного населения Польши, после молебна в Варшавском кафедральном соборе, вылетела самолетом из Варшавы в Москву.

После четырех с половиною часов полета самолет опустился на Московском аэропорте — Внуково. Здесь делегация была встречена представителями Патриархии — архиепископом Дмитровским Виталием, протопресвитером Н. Ф. Колчицким, архимандритом Иеремией, секретарем Отдела внешних сношений Патриархии С. И. Филипповым, а также Заместителем Председателя Совета по делам Русской Православной Церкви С. К. Бельшевым и Представителем Польского Посольства.

С аэродрома, на специально поданных автомобилях для делегации, представители ее были доставлены в одну из лучших московских гостиниц «Националь», откуда после устройства и краткого отдыха, делегация Польской Православной Церкви прибыла в Патриархию, где была принята Высокопреосвященным Митрополитом Николаем.

Святейший Патриарх в этот день не мог принять делегацию, так как он отбыл в Троице-Сергиеву Лавру для совершения там богослужений в связи с наступающим праздником Святой Троицы.

В тот же день вечером и в самый день Святой Троицы делегация присутствовала на торжественном праздничном богослужении в Патриаршем соборе.

Прекрасное пение и уставная служба при участии сонма духовен-

ства возглавляемого протопресвитером о. Николаем Колчицким; красивый собор, переполненный молящимися — все это произвело неизгладимое впечатление на всех участников делегации.

21 июня, в Духов день, в 2 ч. дня делегация была принята Святейшим Алексием, Патриархом Московским и всея Руси. Глава делегации Высокопреосвященный Тимофей изложил просьбу делегации принять их в каноническое общение с Матерью-Церковью и дать благословение на автокефалию Польской Православной Церкви. Со вниманием и отечественной любовью выслушал Святейший слова и просьбу делегации, с большим интересом слушал объяснения архиепископа Тимофея, касающиеся представленных данных о количестве епархий, приходов и верующих. Участники делегации были тронуты ласковостью, отцовским обхождением, приветливой простотой Святейшего Патриарха.

22 июня состоялось заседание Синода Русской Православной Церкви, в котором приняли участие, во главе со Святейшим Патриархом Алексием, Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай, архиепископ Дмитровский Виталий, епископ Ворошиловградский и Донецкий Никон, а также делегация Польской Православной Церкви во главе с архиепископом Тимофеем. На этом заседании архиепископу Тимофею было вручено постановление Синода Русской Церкви, согласно которому Русская Церковь благословляет Польскую Церковь на самостоятельное существование.

Святейший Патриарх Алексий, по представлении главой делегации Польской Православной Церкви Положения Православной Церкви в Польше, согласно просьбе делегации, согласился хиротонисать во епископа члена делегации протоиерея Михаила Кедрова, с наречением его викарным епископом Вроцлавским, на что имелось согласие польской гражданской власти.

24 июня в 12 ч. дня состоялось пострижение в рясофор протоиерея М. Кедрова, а в половине третьего — чин наречения его во епископа Вроцлавского.

Хиротония бывшего протоиерея М. Кедрова состоялась 25 июня в Патриаршем соборе в Москве. В хиротонии принимали участие Святейший Алексий, Патриарх Московский и всея Руси, Николай, Митрополит Крутицкий и Коломенский, Тимофей, архиепископ Белостокский и Бельский, Никон, епископ Ворошиловградский и Донецкий, Георгий, епископ Лодзинский и Макарий, епископ Можайский.

В день хиротонии за Божественной Литургией, несмотря на будний день, церковь была полна народа. Благолепно и торжественно прошла Литургия. Сняты с рукополагаемого священнические одежды и возложен рукой Святейшего архипастырский омофор. Наступил момент вручения жезла новопосвященному епископу Михаилу Вроцлавскому.

С любовью отеческой и заботой начал говорить Святейший свое слово, указав, что восстановление канонического общения Польской Православной Церкви с Матерью-Церковью Российской после 25-летнего перерыва является весьма радостным фактом как для Польской Церкви, так и для Церкви Российской. Церковь Польская, продолжал он, получив ныне от Русской Церкви благословение на самостоятельность, должна еще больше стремиться к сохранению веры и традиций Православной Церкви. Слова отеческого наставления были направлены Святейшим и по адресу новопоставленного епископа Вроцлавского Михаила.

После Литургии участники делегации присутствовали в Патриархии на официальном обеде у Святейшего Патриарха.

Во время обеда Святейший провозгласил здравицу за архиепископа Тимофея и иерархов Польской Православной Церкви. Ему ответил архи-

епископ Тимофей, благодаря Святейшего за отеческие отношения и милость.

Так закончилось это редкое торжество. Воспоминание о нем у членов делегации останется в памяти на всю жизнь.

Нужно заметить, что в свободное время делегация посетила ряд прекрасных мест Москвы, как-то: Ленинские горы, речной порт «Химки» и побывала на главных улицах Москвы. Делегация посетила также Третьяковскую галерею, Музей изобразительных искусств и Исторический музей, любясь прекрасными картинами, скульптурой, а также разными ценными памятниками истории.

Во время прогулок по Москве нас поразили прекрасные и монументальные мосты через реку Москву, здания, широкие асфальтированные улицы, построенные руками русских инженеров и рабочих в годы Советской власти. Московское великолепное метро вызвало в нас также большое удивление. Все станции метро из мрамора, полны скульптурных статуй, вылитых из бронзы, и одна красивее другой. В вагонах метро и на станциях всюду особенная чистота и порядок.

Во время нашего пребывания в Москве члены делегации познакомились со многими священниками столицы и приносят сердечную благодарность протопресвитеру о. Н. Колчицкому, протоиерею о. С. Маркову, протоиерею и доброму пастырю о. А. Смирнову и священнику М. Зернову, которые с любовью старались показать достопримечательности Москвы. С благодарным чувством делегация будет вспоминать также о неутомимом труженике Патриархии С. И. Филиппове.

Приезд делегации Польской Православной Церкви в Москву, совместное служение в Патриаршем соборе, хиротония нового епископа Польской Православной Церкви Святейшим Патриархом Алексием — все это указывает на то, что вновь восстановлено каноническое общение и близкая сердечная связь двух разных близких Церквей. Пусть же эти факты будут прочным фундаментом для укрепления близких сердечных отношений Православных Церквей.

Сердечное спасибо Святейшему Патриарху — Великому хозяину, за опеку, а наипаче за отеческую милость и любовь, оказанную Польской Православной Церкви!

Тимофей, архиепископ Белостокский и Бельский
Георгий, епископ Лодзинский
Михаил, епископ Вроцлавский
Протоиерей Евгений Наумов
Протоиерей Николай Ленчевский
Николай Семенович Серебренников

речи, проповеди

РАЙСКИЕ ДВЕРИ

Слово,
сказанное в церкви св. муч. Иоанна Воина г. Москвы

«Воскрес еси от гроба... и отверзл
еси нам райские двери» (из канона
в день Св. Пасхи).

Прославляя праздник Святой Пасхи, мы восторженно поем в пасхальных гимнах обо всех тех радостях и благах, какие являются плодом Светлого Христова Воскресения. В числе других благ, подаваемых нам этим священным событием, мы славим «отверстые райские двери».

Все мы знаем со страниц священной Библии о том, как жили первые люди в раю. Они не знали болезней, скорбей и страданий; не знали и смерти, так как были созданы бессмертными. Они носили полный покой и мир в своей душе и наслаждались этим миром. Они видели Бога своими телесными глазами и беседовали с Ним телесными устами.

Но вот согрешил первый человек. Плодом греха явились болезни, страдания и смерть. Это не все. Первые люди были изгнаны из рая, и двери рая оказались закрытыми. Остальную свою жизнь Адам, по определению Божию, в поте лица трудился над землей и плакал слезами покаяния, сидя у врат затворенного рая. Рая не стало на земле.

Прошло пять с половиной тысяч лет до того часа, когда Господом Спасителем, по окончании Его земного подвига, эти двери были вновь открыты, — но уже не на земле, а на небе.

Слово Божие нам говорит, что когда Господь Иисус Христос, как Агнец, закланный за грехи мира, телом Своим возлежал в преблагословенную Субботу во гробе, — Своей душой и Божеством Он сходил во ад и вывел оттуда души ветхозаветных праведников в райское блаженное жилище. Праведники пребывали в аду в томительном ожидании этой светлой минуты. Такова была воля Божия о них, после того как двери рая закрылись.

Когда Господь Спаситель в прославленном Своем теле вознесся на небо, Он стал, по слову апостола Павла, нашим «предтечей» на небесах (Евр. 6, 20). Он открыл для всех нас двери Царства Небесного. Туда вошли ветхозаветные праведники, благоразумный разбойник, раскаявшиеся мытари и блудницы, плакавшие у ног Христовых, и за ними стали входить и продолжают входить все истинные рабы Божии.

Небесный Отец дает в Своем Небесном Царстве все, что имели первые люди в раю. Слово Божие говорит, что там «отрет Бог всякую слезу с очей» человеческих (Откр. 21, 4) и там «и смерти не будет уже, ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет» (Откр. 21, 4). Своим детям Господь даст то упокоение, тот полный безмятежный мир, о котором мы просим у Господа, когда молимся об усопших рабах Божиих. Первые люди беседовали с Господом и видели Его. И Господь Иисус

Христос сказал: «Где Я, там и слуга Мой будет» (Ио. 12, 26). В Царстве Небесном истинные дети Божии будут видеть Господа своего и в вечном общении с Ним будут иметь источник блаженства.

О, как же, дорогие мои, должен быть вожделен для нашего сердца этот открытый вход в Царство Небесное! Какую радость мы должны носить в своей душе, зная о том, что эти священные двери открыты для всех нас, что каждый сделан наследником этих вечных радостей!

Но пусть каждый из нас никогда не забудет того, что, хотя двери открыты, открыты широко, но не всякий войдет в эти двери. Кто же из нас войдет? Кто может быть достойным наследовать блага вечной жизни?

Ответы на эти вопросы дает нам Господь наш в Своем Евангелии. Он много говорил о Царстве Небесном и притчами, и сравнениями, и самую Свою проповедь на земле Он начал словами: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 4, 17). Чаше напоминайте себе слова Господа нашего Иисуса Христа о Царстве Небесном!

Вот они. Царство Небесное подобно сокровищу, скрытому на поле, и человек, найдя его, продает все, что имеет, и покупает это поле (Мф. 13, 44). И еще: Царство Небесное подобно купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя драгоценную жемчужину, все продал, что имел, и купил ее (Мф. 13, 45—46). Господь говорит нам: Царство Небесное для нас — это бесценное «сокровище», это «драгоценная жемчужина». Надо понять это умом, надо переживать это сердцем, и потому надо всеми силами своего духа жаждать приобрести это сокровище, стремиться к нему день и ночь. Никогда нельзя забывать того, что мы получаем и самую жизнь земную из рук нашего Небесного Отца для того, чтобы себя приготовить к этой небесной жизни. Но это не все. Мало только желать, хотя бы и страстно желать, получить это бесценное небесное благо.

Послушайте еще слов Христовых: «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18, 3). И еще: «Не всякий, говорящий Мне: Господи! Господи! войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного» (Мф. 7, 21). И еще: Царство Небесное подобно десяти девам, из которых пять было мудрых и пять юродивых. Мудрые встретили Жениха в полночь с горящими светильниками, у юродивых светильники потухли. И когда юродивые девы постучались потом в двери дома, Жених сказал им: истинно говорю вам, Я не знаю вас (Мф. 25, 1—12).

Вот что нужно для того, чтобы не закрылись перед нами двери Царства Небесного. Нужно приобрести смирение, простоту и чистоту, какие мы видим у неиспорченного ребенка. Нужно переходить порог смерти, вступать в жизнь будущего века с горящими светильниками веры и добрых дел. Нельзя без добрых дел идти туда, где Господь при входе в двери Царства Небесного скажет одним: «Алкал Я, и вы дали Мне есть, жаждал, и вы напоили Меня...» и введет их в Царство, «уготованное от создания мира». А другим скажет: «Алкал Я, и вы не дали Мне есть, жаждал, и вы не напоили Меня...», и перед ними навеки закроются двери Царства Небесного (Мф. 25, 34—46). Чтобы быть достойным наследником Небесного Царства, надо «исполнять волю Отца Небесного». Эта воля открыта нам на священных страницах Евангелия: Господь нам ясно говорит, что наследуют вечное блаженство нищие духом, кроткие, милостивые, чистые сердцем. Значит надо трудиться, и трудиться всю жизнь над тем, чтобы быть чище душой и телом, лучше, смиреннее, милосерднее, чтобы препобедать в себе эгоизм, гордость, гневливость, плотскую нечистоту, леность о своем спасении.

Вспоминайте, мои дорогие, и другие слова Христовы: Царство Небесное подобно неводу, закинутому в море и затем вытащенному на берег с множеством рыб. Хорошую рыбу собрали в сосуды, а худую выбросили. Так будет при кончине века: ангелы отделят злых от праведных и ввергнут злых в печь огненную (Мф. 13, 47—50). И такие слова напомним вам: Царство Небесное подобно царю, который устроил брачный пир для своего сына, и на этот пир один из гостей вошел в небрачной, грязной одежде. По повелению хозяина, слуги выбросили его отсюда «во тьму кромешнюю» (Мф. 22, 1—13).

Видите: надо придти к дверям Царства Небесного в чистой одежде, делающей нас достойными участия в небесном пире нашего Небесного Отца. Мы все в святом крещении получаем из рук Божиих белоснежную духовную одежду. Мы ее пачкаем, грязним своими грехами и пороками; мы ее вновь омываем слезами покаяния и прощающей благодатью Божией. Посмотрите, как мы заботимся о чистоте той одежды, которую мы носим на своем теле: мы ее стираем, чистим, выводим даже самые малые пятна, отряхиваем с нее пыль; и приятно бывает нам одеть на себя совершенно чистую одежду. Но так тщательно мы заботимся о той одежде, которая ветшает и которую мы выбросим, когда она станет негодной к употреблению. Умеем ли мы так заботиться о своей духовной одежде, которую мы никогда не сбрасываем с себя и в которой мы уйдем в страну вечной жизни? Умеем ли мы осуждать себя, бичевать себя в дни покаяния за свои грехи и пороки? Знакомы ли нам те жгучие слезы стыда и раскаяния, которые имеют силу смывать пятна с этой одежды? Научились ли мы искупать совершенные нами грехи добрыми делами и молитвой? Господь и напоминает нам о том, что там, у Себя, Он отделит грязных от чистых, худых от добрых, и ничто нечистое не может войти в двери Небесного Царства.

Не забывайте, мои дорогие, и такие евангельские слова: Царство Небесное подобно царю, который захотел сосчитать с своими рабами. К нему пришел человек с долгом в десять тысяч талантов, умолял о прощении и был прощен. Выйдя от царя, он встретил своего должника, который должен был ему ничтожную сумму в сто динариев. Он потребовал отдачи долга и, несмотря на мольбы должника, посадил его в темницу. Узнав об этом, царь разгневался на своего должника и отдал его истязателям. Спаситель, сказав эту притчу, добавил: «Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его» (Мф. 18, 23—35).

Господь оставил нам заповедь о том, чтобы мы прощали обиды, не таили в себе мести, злобы, ненависти, чтобы мы не имели и самой памяти о причиненных нам обидах, чтобы мы все зло, какое нам причиняют люди, умели покрывать своей любовью. Царство Небесное это царство мира, любви, света, и туда не может войти та душа, которая разлучится с телом в состоянии озлобления на своих ближних, с непрощенными обидами и оскорблениями. Спешите же вырывать из своих сердец всякий гнев и злопамятство, чтобы внезапная смерть не застала нас не готовыми к ней!

Еще что говорил Христос? Царство Небесное подобно хозяину, который вышел нанимать работников в свой сад. Одних он нанял с утра, других — в третий час, в шестой, в девятый. Выйдя около одиннадцатого часа, он встретил работников, которых еще никто не нанял на работу, и позвал и их к себе. По окончании дня он всем работникам дал по динарию, как уговорился с теми, кого пригласил с утра (Мф. 20, 1—16).

Эта притча — источник величайшего ободрения и утешения нам на пути к Царству Небесному. Как щедр, как чадолюбив Небесный Отец!

Он и пришедшему в последний час, но потрудившемуся с усердием, дает ту же награду, как и пришедшему с первого часа.

Сколько среди нас с вами таких, кто уже подходит к порогу своей земной жизни и, оборачиваясь назад, видит бесплодно прожитую для Царства Небесного жизнь! Немало среди нас и таких, которые находятся сейчас в зените своей жизни. Но и они, озираясь назад, видят и грехи своей юности, и грехи последних лет своей жизни, и свою духовную пустоту. Не уныние, не отчаяние должны овладевать нашими душами, когда мы думаем о своих бесчисленных грехах прошлого и о своей полной бедности настоящего. Господь зовет нас остаток своих дней потрудиться над спасением своей души в молитве, в покаянии, в прощении обид, в искуплении своих грехопадений добрыми делами. И мы веруем, что Тот, Кто принял последний вздох кающегося на кресте разбойника, примет и труды ради Царства Небесного тех из нас, кто хотя на конце своих дней возжаждет вечного спасения и пойдет за Господом.

И еще одни святые слова приведу вам на память, дорогие: Царство Небесное подобно горчичному зерну, которое меньше других, но, будучи посеянным, вырастает в дерево, и птицы прилетают укрываться в ветвях этого дерева (Мф. 13, 31—32).

Господь этим сравнением говорит о том, как многочисленно то Царство Небесное, двери в которое Он открыл Своим искупительным подвигом. Туда вошли сонмы праведных Божиих людей, святых мучеников, которых мы благоговейно чтим и к которым мы обращаемся за их молитвенным предстательством. В Царство Небесное вошли еще более неисчислимы тысячи истинных рабов Божиих, которые в тиши, в безвестности, в глубине своего духа совершали путь к небу: одни умели терпеть в болезнях и страданиях, другие всю жизнь плакали о своих грехах, третьи среди окружающего развращения и неверия умели сохранить до конца своих дней святой огонек веры. Эти бесчисленные имена знает один только Господь. Несомненно, есть и сейчас много тайных рабов Божиих, которые скрыто от человеческого взора совершают свой духовный путь за Христом.

Итак: райские двери, двери Царства Небесного, открыты. В этих вратах стоит Небесный Хозяин и ждет каждого из нас.

Неужели мы погибнем в своих грехах для вечности? Неужели мы уйдем туда с теми своими многолетними пороками и страстями, с теми неоплаканными и неискупленными грехами, которые лягут камнями в этих вратах, заграждая нам путь через них, так что и ни перейти через них, ни сдвинуть их мы не будем в силах?

Надо приучить свое грешное сердце трепетать перед мыслью о вечной гибели, какая ждет нашу бессмертную душу, если мы ее не приготовим к вечности.

Надо чаще думать о том, что жизнь вечная и Царство Небесное — это такое неоценимое богатство, потерять которое страшно.

Святая Церковь за каждой своей службой желает нам этого бесценного блага, когда устами своих служителей, произносит: «Да помянет всех вас Господь Бог во Царствии Своем». Она неоднократно напоминает нам за богослужениями молитву благоразумного разбойника: «Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем!».

И мы, дорогие, жажду своего вечного спасения и труды ради приобретения Царства Небесного до конца своих дней будем соединять с молитвой ко Господу о том, чтобы Он не лишил нас в этих трудах Своей Божественной помощи, а, когда возьмет нас к Себе, помянул бы нас с разбойником в Своем Небесном Царстве.

Митрополит Николай

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГРЕКО-БОЛГАРСКОГО ЦЕРКОВНОГО ВОПРОСА И БОЛГАРСКОЙ СХИЗМЫ

В феврале 1945 г. Константинопольской Патриархией была снята с Болгарской автокефальной Церкви схизма, провозглашенная Константинопольским Собором 1872 г.¹

Болгарская схизма была, в сущности говоря, результатом той истонной борьбы между греками и болгарамн, которая началась с самого появления славян на Балканском полуострове (в частности — той группы их, которая получила впоследствии название болгар и вошла в состав Болгарского государства).

Победа в этой борьбе склонилась не в пользу болгар. Вскоре после смерти болгарского царя Петра (968 г.), сына царя Симеона (888—927 гг.), восточная половина болгарского царства была завоевана византийским императором Иоанном Цимисхием и подчинилась политической и церковной власти греков (971 г.). Западная половина Болгарии, выделившаяся в особое государство и при царе Самуиле (977—1014 гг.) достигшая даже весьма значительного могущества, имела ту же участь, что и восточная половина. Самуил в его борьбе с греками был побежден и вскоре после его трагической смерти (1014 г.) царство его было завоевано его соперником, византийским императором Василием II Болгаробойцей (1018 г.).² Охридская церковь подпала под власть греков.

Хотя при Иоанне Асене II (1218—1246), могущественнейшем государе Второго болгарского царства, Константинопольская патриархия и согласилась на учреждение Терновского независимого патриархата (1235 г.)³, тем не менее она и после того продолжала претендовать на подчинение себе последнего. Эти притязания отразились, например, на Лионском соборе 1274 г., на котором греческие представители пытались доказать незаконность учреждения самостоятельной Терновской патриархии, как и Сербской автокефальной архиепископии, чтобы при посредстве папы подчинить эти независимые церкви снова Охридской архиепископии и через последнюю (так как она в то время входила в состав Византийской империи) — Константинополю⁴. Претензии этого рода выражались и в грамоте Константинопольского патриарха Каллиста 1355 г., посланной, как предполагают, преп. Феодосию Терновскому и его сподвижнику, монаху Роману⁵.

В дальнейшем Константинопольская патриархия воспользовалась благоприятно сложившимися для нее обстоятельствами, чтобы при-

¹ См. Деяния этого Собора: *Πρακτικά τῆς ἁγίας καὶ μεγάλης συνόδου ἐν Κωνσταντινουπόλει 1872*. А также болгарский перевод: „Деяния на святийшъ великий собор, совокупившійся въ Константинополѣ въ патриаршыкыйтѣ храмъ святого славного великомученика Георгия Побѣдоносца за церковный-тъ болгарский вопрос“. В лѣто спасительно 1872. Прѣдъ мѣсяць Августа и Сентебре“. Цариград.

² Иречек, История болгар, Одесса, 1878, стр. 224, 243—262.

своить себе, сначала частично, области, принадлежавшие Терновскому патриарху⁶. А когда Болгария политически подпала под власть турок (1393 г.), Константинопольский патриарх наложил свою руку на Терновский патриархат и в целом его составе. Во всяком случае документально известно, что около 1410—1416 гг. Терновская церковь была несомненно подчинена Константинопольскому патриарху. В одном письме к Охридскому архиепископу, писанном около этого времени, Константинопольский патриарх говорил о подчинении ему Терновской патриархии, как о совершившемся факте⁷.

Константинопольский патриарх осуществил теперь свое желание относительно Терновской церкви, подобно тому, как ему около этого времени удалось подчинить своей юрисдикции и Валахскую и Молдавскую церкви⁸.

После подчинения Константинопольскому патриарху терновский иерарх утратил свое патриаршее достоинство, а Терновская церковь утратила свою автокефальность. Она превратилась в одну из митрополий Константинопольского патриархата, занявши в общем числе кафедр последнего 11-е, а потом (с начала XVIII в.) 10-е место⁹.

Но есть основания утверждать, что и после этого Терновская церковь сохранила территориальную неприкосновенность своего диоцеза, в том размере, какой имел последний в момент завоевания Болгарии турками.

До последнего времени Терновская епархия была обширнейшей из болгарских епархий. Стара и Нова Загора, Сливен, целое поле до Сеймен при р. Марице, до 15 сел Чирпанской околии и вся Казанлыкская околия принадлежали не к ближайшей Филиппопольской (Пловдивской) митрополии, а к Терновской. По северную сторону Старой Планины в состав Терновской митрополии входили Ловеч, Плевна, Савлиево, Никополь, Систово (Свишов), Рушук, Разград, Шумен¹⁰.

⁶ См. об этом у В. Г. Васильевского „Обновление болгарского патриаршества при царе Иоанне Асене II в 1235 г.“, Журн. Мин. Нар. Просвеш. 1885 г., март и апрель.

⁷ Главным деятелем в этом предприятии был византийский император Михаил Палеолог, но в нем принимало непосредственное участие и высшее греческое духовенство, в том числе Константинопольский патриарх Герман. См. Дринов. Сочинения, изд. Болгарск. Акад. Наук, т. II, 222 и след., София, 1911.

⁸ См. П. А. Сырку, „К истории исправления книг в Болгарии в XIV в., т. I, вып. 1, стр. 279 и след.

⁹ Подробности см. у Дринова, т. II, 107—108; у В. Н. Златарского статья: „Дѣ и кога билъ заточенъ и умрѣлъ българският патриархъ Евтимий“. Отдельный отпечаток от „Лѣтописа на бѣлг. Книж. Д.“ № 8, стр. 34—45; у Г. Баласчева, „Нови извѣстия за черковното вѣдомство на Видинската и Софийската епархия прѣзъ пѣрвитѣ години на тѣхното завладяване от турцитѣ. СБМ, XVIII, стр. 149, 157; у него же „Кореспонденция между Охридския архиепископъ и Византийска император Мануил Палеологъ (1391—1423 гг.)“—Минало, год I (1909), кн. 2, стр. 133; у Ю. Трифонова, „Унищожаванието на Търновската патриаршия“, СБМ, XXII—XXIII, стр. 19—21.

¹⁰ Г. Баласчев, „Нови извѣстия“, СБМ, XVIII, 150, 153—157; Его же, „Кореспонденция между Цариградски патриархъ и Охридски архиепископъ от XV в.“, Минало, год I (1909), кн. 1, стр. 6—8; 2, стр. 127—128. Ср. Ю. Трифонов, „Унищожаванието на Търновската патриаршия и замѣстянето и съ автономно митрополитство — архиепископство“, СБМ, XXII—XXIII, стр. 4—5.

⁸ См. еп. Арсений, „Исследования и монографии“, стр. 14, и след.; Яцимирский, „Григорий Цамблак“, стр. 64 и след.

⁹ И. И. Соколов, „Епархии Констан. Церкви XV—XVIII вв.“, Труды Киев. Дух. Ак., 1917, янв.—февр., стр. 102.

¹⁰ Неофит Бозвели, „Просвѣщенный Европейецъ, Полумершая мати Болгарія и сын Болгарин“, СБМ, XVIII, 346.—(р. П. Кисимов, „Исторические работы, Бѣлг. Сборка, год VI (1899), кн. XVII и XIII, 818, Ср. П. Чилев, „Старата кондикна на Търнавската митрополия, Списание на бѣлг. Академия на наукитѣ, кн. III, 151, (София, 1912).

Такую исключительную обширность Терновской митрополии Иречек справедливо ставит в связь с политическими границами прежнего Болгарского царства¹¹.

Со второй половины XVI века на Терновскую кафедру начинают уже систематически, повидимому, назначаться митрополиты греки¹². (До этого времени возможны еще были митрополиты из болгар¹³). Обстоятельство это справедливо поставить в связь с сообщением, содержащимся в «Истории нерусалимских патриархов, Иерусалимского Патриарха Досифея (1641—1707) и принадлежащим великому логофету Иераксу (1572 г.), что после падения Константинополя (год не указывается) там имел место собор, на котором было постановлено о подчинении Константинопольскому престолу самостоятельных церквей — Охридской, Терновской и Печской, но что постановление это было осуществлено только относительно Терновской церкви¹⁴. Естественнее объяснить это сообщение в таком смысле, что со времени завоевания Константинополя турками и признания со стороны султана «вселенских» прав Константинопольского патриарха начались усиленные притязания последнего на автокефальные права отдельных самостоятельных церквей, так как наступил для этого благоприятный момент (ср. выражение великого логофета Иеракса: *ἡ ἐκκλησία τοῦ Κωνσταντινουπόλεως θρόνος*), и что именно к указанному времени (особенно к XVI в.) относится некоторое ограничение прав автономной Терновской митрополии и ее самостоятельности¹⁵.

Значительно дольше Терновской патриархии существовала другая автокефальная церковь, тоже носившая название болгарской — архиепископия Охридская.

В прежнее время Охридскую архиепископию отождествляли с архиепископией Юстинианы I, основанной на месте своей родины (дер. Таврезим) импер. Юстинианом в 535 г., и сами охридские архиепископы, как известно, носили титул архиепископов¹⁶.

В настоящее время вопрос о тождестве Охриды и Юстинианы I давно уже оставлен, так как доказано, что древний Лихнид — позднейшая Охрида и Юстиниана I — два различных географических пункта¹⁷. В настоящее время в науке признано, что Охридская архиепископия имеет гораздо позднее происхождение по сравнению с архиепископией

¹¹ «Путевания по България», перев. Ст. Аргирова, Пловдив, 1899, стр. 167.

¹² Ю. Трифонов. «Унищожаването на Търновската патриаршия», СБМ, XXII—XXIII, 24—28.

¹³ Ю. Трифонов. «Приписка и бълбъжки с летописен характер», Пер. Св. LXII, (1902 г.), 9—10 св., стр. 774; Его же, «Унищож. на Търнов. патр.», СБМ, XXII—XXIII, 23, прим. проф. Б. Цонева, Опись на рукоп. и старой пп. на Народн. библ. в София», 1910, стр. 49. Ср. Яцимирский, «Григорий Цамблак», стр. 178.

¹⁴ М. Дринова, т. II, стр. 110—11 и прим. 18. Ср. Ю. Трифонов, цит. статья в СБМ, XXII—XXIII, 5; ср. Его же «Съединението на Ипекската патриаршия с Охридската архиепископия», Списание на бълг. Академия науките, кн. III, 25. См. Баласчев, «Περὶ τῆς ἐκκλ. Πραγματείας Περὶ τῆς οὐκ οὐκ ἡσυχίας καὶ τῆς Ἀχρὶδος ἐκκλ.», Визбл., 1906, с. 7. Его же, «Корреспонденция между Цариградския патриарх и Охридския архиепископ от XV вѣкъ», Минало, год I (1909), II, 134—135.

¹⁵ Ср. Ю. Трифонов, «Унищожав. на Търнов. патр.», СБМ, XXII—XXIII, 28, 40.

¹⁶ См. Н. Gelzer'a, «Der Patriarchat von Achrida. Geschichte und Urkunden», Leipzig, 1902, SS. 43—130. Там же, Кодекс на Охридската патриаршия», сообщенный А. Шоповым и Г. Стрѣловым, СБМ, VI, 192—225 и X, 536—579.

¹⁷ См. у П. И. Лепорского, История Фессалоникского епархата до времени присоединения его к Константинопольскому патриархату, СПб., 1901, стр. 188—189, прим. См. также у Голубинского, «Краткий очерк истории православных церквей», М., 1871, стр. 109, 184—286 и у Дринова, Сочинения, т. II, 38—40, 156—158.

Юстинианы I, именно является продолжением болгарской Преславско-Доростольской архиепископии — патриархии¹⁸.

Что же представляла Охридская архиепископия по своему внутреннему характеру? Вопрос этот спорный и запутанный. С одной стороны, среди болгар, особенно во время греко-болгарской церковной распри, епископия была в собственном смысле болгарскою. На этом основании они, требуя от Константинопольской патриархии признания своей церковной самостоятельности, указывали на незаконное упразднение Константинопольской патриархии Самуилом I в 1767 г. автокефальной Охридской церкви и не требовали ничего другого, как только ее восстановления (наряду с Терновской автокефальной церковью)¹⁹. Мнение это и в последующее время продолжает высказываться как официальными представителями Болгарской Церкви²⁰, так и частными болгарскими писателями²¹.

Одним болгарским ученым г. Баласчевым сравнительно не очень давно высказана мысль, что греческое влияние и греческий язык в пределах Охридской архиепископии господствовали только в высших, официальных кругах ее, на самом же деле она продолжала оставаться славянскою²². С другой стороны, известно также мнение, высказанное Е. Е. Голубинским, что Охридская архиепископия «почти с самого перехода своего под власть греков (при импер. Василии Болгаробойце в 1019 г.) до самого конца своего существования была вовсе не бол-

¹⁸ Дринов, „Сочинения, т. II, 39—40, 156—159; Голубинский, „Краткий очерк...“, 46, 49, 107, 261; Иречек, „История болгар“, 250, 264; И. С. Пальмов, „Новые данные к вопросу об учреждении сербской архиепископии св. Саввою (в XIII в.)“ (Изд. „Христ. Чт.“, 1892), стр. 27, прим. 49; Н. Gelzer, „Der Patriarchat von Achrida“, SS. 3, 6; Г. Баласчев, „Изданията, прѣписитѣ и значението на Кодекса от Охридската Архиепископия за нейката история“, Пер. Сн. LV—LVI (1898 г.), стр. 183. В одном из более поздних греческих исследований, посвященных Охридской архиепископии, архим. К. Деликана, „Ιστορικὴ συνάκρισις περὶ τῆς Ἀρχιεπισκοπῆς Ὀχρίδων, ἐν Κωνσταντινουπόλει“, 1905, проводится мысль о географическом тождестве Охриды с Юстинианой I (см. стр. 937), но архиепископия Охридская по своему происхождению и правам различается от архиепископии Юстинианы I и считается продолжением болгарской Преславо-Доростольской церкви (см. стр. 958—965, Ср. 967, 1055).

¹⁹ См. об этом „Записку по греко-болгарскому церковному вопросу, составленную при посольстве нашем в Константинополе и заключающую в себе основания и доводы болгар относительно требуемых ими прав по церковно-общинному уравниванию в споре с греками“, 1868, стр. 6—10; также „Послание Болгарских Архиреев на имя Св. Синода по греко-болгарскому вопросу“, 1869, стр. 6—11. Ср. Т. Филиппов, „Вселенский патриарх Григорий VI и греко-болгарская распра“, „Современные церковные вопросы“, СПб. 1882, стр. 31, 65 и след.; „Жизнеописание Митрополита Охридо-Пловдивскаго Натанаила“, СБМ. XXV. 32; Гр. С. Пърличиева, „По възраждането в град Охрид“, СБМ, XIII, 626—627, 641, 664—665, прим. Ср.

Голубинский, „Краткий очерк“, 40. Ср. М. Γεδεών, „Βυζαντινὰ πατριαρχικὰ καὶ συνοδικὰ περὶ τοῦ Βουλγαρικοῦ ἐκκλησιασμοῦ“, σελ. 12. 8 сентября 1867 г. д-р В. К. Каракановски писал Набдену Герову из Константинополя: „Прѣди петъ дена Иларіон. Панарет и Полянскій ходиха при Али паша и му казаха, че чекат да ся свърши въпросъ (т. е. церковный), а той имъ казал да му напишеть одно изложение, кае-то и стана. Въ него сказано, че Българи—тѣ искантъ само двѣ епархїи: Търъ и Охридск защото ся было независими“ (Т. Панчевъ, „Из Архивата на Н. Геров“, кн. I. София, 1911, стр. 755, № 1264).

²⁰ См. „Отговоръ на българската Екзархия на меморандуме, подаден от гръцката Патриархия в Цариградъ на тѣхни прѣвзходительства посланнициѣ на великитѣ сили при Високата порта“.—Бълг. Сборка, изд. XI (1904), кн. VIII, 488—489.

²¹ Ср. С. М. Родопски, „Портрет на гръцкогo фенарско духовенство и коваритѣ му дѣла противъ бѣлгаритѣ в Родопитѣ“, Пловдивъ 1887, предисловие („къмъ любезнитѣ читатели“); А. Иванов, „Мемоаритѣ на Ив. Ристич“, Пер. Сн. LXIII (1902 г.), 5—6 св., стр. 448—449.

²² Пер. Сн. LV—LVI (1898 г.), стр. 185—194 (статья: „Изданията, прѣписитѣ и значението на Кодекса от Охридската Архиепископия за нейката история“).

гарскою, а совершенно греческою»²³. Мнение это было повторено и поддержано многими позднейшими, в том числе и болгарскими учеными⁷. Оно остается господствующим и до сих пор.

Принимая во внимание разносторонние факты, приходится притти к следующим заключениям.

Вскоре же после своего подпадения под власть греков (1018—1019 гг.) Охридская архиепископия получила и до самого своего упразднения (1767 г.) носила двойственный характер. С одной стороны, она была греческою по своим официальным представителям — архиепископам и епархиальным епископам, если не всегда по происхождению, то по духу, по их симпатиям и стремлениям, по языку, принятому в официальных актах, в литературе, в богослужении. Может быть, некоторое исключение из этого общего правила представляли только те, сравнительно незначительные, периоды времени, когда Охридская архиепископия подпадала под власть славянских — болгарских или сербских — государей, или когда, во время турецкого периода, в ней усиливался вообще, благодаря счастливому сочетанию обстоятельств, славянский элемент. Но, оставаясь в общем греческою, Охридская архиепископия в то же время никогда не переставала быть славянскою. Помимо того, что общий состав ее населения был в большинстве славянский, имелись еще два очень важных обстоятельства, сильно способствовавших поддержанию славянской струи в общем направлении ее жизни. Охрида и ее окрестности служили средоточием славянской просветительской деятельности двух из свв. седмичисленников, учеников свв. славянских первоучителей Кирилла и Мефодия — свв. Климента и Наума. Память о свв. седмичисленниках здесь всегда была жива и, вследствие этого, традиции славянского просвещения крепко удерживались в населении. Другим важным обстоятельством, способствовавшим сохранению славянской струи в жизни Охридской архиепископии, было то, что официально она считалась болгарскою. Ее представители, будучи в большинстве греками, тем не менее носили титул архиепископов, „τῷ πατρὶ Βουλγαρίας“. И всякий раз им приходилось отстаивать независимость своей архиепископии от посягательства на нее со стороны Константинопольского патриарха (Феофилакт Болгарский²⁴, Димитрий Хоматиан), они указывали на то, что Охридская архиепископия основана для болгар. Поэтому мы видим, что охридские архиепископы, оставаясь греками в душе, представителями греческой культуры и образованности, презрительно относившимися ко всему славянскому, в частности к болгарскому, в то же время официально поддерживают уважительное отношение ко всему, что служило отличительным признаком их церкви,

²³ Краткий очерк истории православных церквей», 142; Н. Ф. Каптерев, Охридские архиепископы и подчиненные им иерархи разных кафедр, являвшиеся в Москову за милостиною в XV, XVII и в нач. XVIII стол. (Приб. к Твор. св. отцов 1888, ч. 41, стр. 105, прим.); М. Д. Приселков, Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XIV вв., СПб, 1913, стр. 43—44, 62; Иречек, История болгар. Одесса, 1878, стр. 283; Gelzer, Der Patriarchat von Achrida, Leipzig, 1902, SS. 19, 34; Zerkberg, Geschichte der Byzantinen, 230; Е. Спирофанов, „Джеладинбей“, Припосълѣние историята на гр. Охрид), СБМ, XIX, София, 1897, стр. 681, прим. 1, Цухлев, История на бълг. църква, т. I, София, 1911, стр. 862; Орешков, Автобиография на Софрония Врачански, София, 1914, стр. 77, прим. 1.

²⁴ Проф. И. С. Пальмов полагал, что сильное стремление со стороны охридских архиепископов отстаивать свою автономию от посягательств на нее со стороны константинопольских патриархов и было причиной отождествления Охридской архиепископии с архиепископией первой Юстинианы. („Новые данные к вопросу об учреждении сербской архиепископии св. Саввою в XIII в.“, СПб, 1892, стр. 24—28). Самое раннее, найденное до сих пор, свидетельство, где отождествляются архиепископии Охридская и Юстиниана I относится к 1118 г. (см. Б. Прокић, „Постанак Охридског патриархата“, Глас Српске Краљевске Академије, XC т., 1912, стр. 198, т. е. ко времени архиеп. Феофилакта Болгарского. Уже не он ли первый отождествил свою Охридскую архиепископию с архиепископией Юстиниана I?

как именно болгарской. Они защищают Болгарскую Церковь от нареканий в том, что она имеет свои переводы священных и церковно-богослужебных книг (Димитрий Хоматиан). Точно так же мы видим, что в Орхидской архиепископии покровительственно относятся к почитанию памяти свв. седмичисленников, виновников устройства и организации национальной Болгарской Церкви: очень рано начинают составляться жития и службы их, хотя и на греческом языке, причем сами архиепископы орхидские принимают участие в их составлении (Феофилакт, Димитрий Хоматиан, Константин Кавасля, Григорий), устанавливаются праздники в честь свв. седмичисленников (с половины XIII в.), пишутся их иконы, устраиваются в честь их храмы.

Охридская архиепископия, оставаясь греческою (или огреченною) по своим представителям и их стремлениям, несомненно способствовала огречению болгар. Из церковных верхов эллинизм постепенно просачивался в глубь народной славянской жизни. Но процесс этот совершался постепенно, потихоньку, так сказать, органически. Насильственного эллинизирования славян не было в период существования Охридской архиепископии. Самое официальное положение ее, как болгарской, гарантировало ее от этого явления. Да и национальный вопрос был ясно выдвинут в сознании балканских народов только во второй половине XVIII в. До тех пор идея национальности находилась в дремлющем состоянии. Только со второй половины XVIII в. у греков появляется стремление к насильственному эллинизированию болгар. Охридская архиепископия, как официально болгарская, стояла на пути к этому стремлению. Это и послужило одной из главных причин к упразднению ее в 1767 году.

В греческих официальных документах²⁵ говорится о добровольном отречении от архиепископии последнего Охридского архиепископа Арсения (15 января 1767 г.), о совокупном прощении архиереев, подчиненных Охридской архиепископии, Константинопольскому Патриарху Самуилу о принятии их в его паству. То же самое говорится и о Печской патриархии, упраздненной в 1766 г., причем документы, касающиеся двух означенных церквей, почти совершенно (иногда до буквальности) совпадают.

Уже это удивительное совпадение и согласованность в прохождении двух различных событий невольно наводят на мысль, что развитие их обуславливалось не столько внутренними, им самим свойственными причинами, сколько подчинялось внешнему плану, посторонней, совне наложенной воле. Таковой волей могла быть только воля Константинопольского патриарха.

Но любопытнее всего, что наряду с документами греческого (и турецкого) происхождения сохранился один, тоже официальный, документ славянского происхождения, касающийся упразднения Печской

²⁵ Последний раз переизданы в анонимно изданной, но принадлежащей, очевидно, перу Гавриила Крестевича, книжке: *Та хата тас 'архиепископас 'Ахридѣу хал Пекѣю 'ев Кѡнстантинополѣ' а* 1869 г. извлечение из этой книжки имеется и на русском языке в приложении к официальному синодальному изданию (1869 г.); «Послание Болгарских архиереев на имя Св. Синода по Греко-Болгарскому церковному вопросу». Имеется и болгарский перевод (Н. Михайловского) названной брошюры: «Исторически изследования за Охридската и Ипекската архиепископии», Цариградъ, 1869.

²⁶ Письмо напечатано в официальном издании русского Св. Синода: «Послание Болгарских архиереев на имя Св. Синода по греко-Болгарскому церковному вопросу» (от 27 февраля 1869 г.), приложение 13, стр. 56—57. В примечании здесь сказано, что это письмо находится в собрании писем Митрополита Платона, сохраняющемся в Московской Вифанской семинарии. На сербском языке означенное письмо обнародовано в «Гласник» XXII, стр. 257—258. Между прочим здесь прибавлена следующая любопытная подробность. Митрополит Савва Петрович, хатайствуя перед Митрополитом Платоном о восстановлении Печской патриархии, просит о том, «да можетъ битъ русской архиерей архіепископъ Пекской».

патриархии. Это — письмо Митрополита Черногорского Саввы Петровича на имя Московского Митрополита Платона от 26 февраля 1776 года²⁶.

Здесь уже прямо говорится о насильственном упразднении Печской патриархии и назначении греков-архиепиев на места изгнанных сербских епископов.

А так как обстоятельства упразднения Печской патриархии были совершенно аналогичны с таковыми же обстоятельствами упразднения Охридской архиепископии, то приходится заключить о насильственном упразднении и Охридской архиепископии. Патриарх Самуил I только завершил то дело, попытки к которому и до него делались греками, особенно в XVIII в.²⁷.

До упразднения автокефальной сербской Печской (Ипекской) патриархии (1766 г.) в состав ее входили и некоторые болгарские епархии, а именно: Скопийская, Кюстендильская (с XV в. до времени упразднения Печской патриархии называвшаяся Колясийской, или Банской; к ней принадлежали и Штин, и Кратово, и Радовишт, и Крива Паланка, и Радомир) и Самоковская, Г. Джумайская и Разлог, вместе с Рыльским монастырем²⁸. Пограничным пунктом Печской патриархии к востоку в XVI в., по свидетельству Герлаха (1578 г.), было с. Ветрен, находящееся между Ихтиманом и Тамар-Пазарджиком²⁹.

Подчинение указанных болгарских епархий Печской сербской патриархии имело благотворные последствия для болгар в различных отношениях. Охридская архиепископия, как мы видели, хотя и называлась официально болгарскою и поддерживала некоторые славянские традиции, но тем не менее носила греческий характер и мало способствовала развитию национального чувства в болгарях. Напротив, она в большей степени содействовала их огречению. Не то следует сказать о Печской патриархии. Последняя носила ярко выраженный национально-сербский характер. Печские патриархи часто были вместе с теми вождями национально-сербских освободительных движений. Воспитывая национальное чувство в сербах, Печская национально-сербская церковь содействовала воспитанию национального чувства и в болгарях. В то время никакого национального соперничества между сербами и болгарями не существовало. Отношение между ними в пределах Печского патриархата было братское и благожелательное. Сербь не только не отрицали болгарской народности в пределах своего патриархата, а напротив даже, так сказать, официально ее признавали. Патриарх Печский носил титул: «архиепископ Печский, патриарх сербский и болгарский»³⁰. Посещая свои болгарские епархии, печские патриархи прямо говорили, что посещают именно «болгарские земли»³¹. На болгарские епархии и митрополиты ставились, повидимому, болгары. Случалось, что эти митрополиты занимали и патриарший Печский престол³². Славянское богослужение, беспрепятственно совершавшееся повсюду в пределах

²⁷ См. Дринов, т. II, 123, 185.

²⁸ Йору Иванова, „Сѣверна Македония“, 260; ср. Ионев, „Описание ръкописитѣ и старопечатнитѣ книги на Народната библиотека въ София“, София, 1910, стр. 431 (запись „Келасийского“ — Банского митрополита Михаила, 1649); Голубинский, Краткий очерк, 499—500: Иречек, „Пятувания“, 659. — Вероятно, до половины XVII в. существовала еще особая Крупничская епископия, епископ которой Иоасаф упоминается под 1577 г. В настоящее время население Крупника (большое село между Джумая и Мельнио) потурчено (Г. Баласчев, „Словъски надписи от юго-западна България“, Минало, год II (1913), кн. 7 и 8, стр. 209; стр. Д. Илков, „Нѣколко памятници от Рилския манастиръ“, СБМ, XII, 629).

²⁹ Пер. Сн. 1884, кн. VII, стр. 113.

³⁰ Ястребов, „Податци“, 88; ср. Дринов, т. II, 500.

³¹ Ястребов, „Податци“, 83.

³² Дринов, т. II, 509.

Печского патриархата, совершалось, конечно, и в болгарских епархиях. Славяно-сербские типографии, существовавшие в это время на сербской территории и за границей (в Венеции, Румынии и др. местах), снабжавшие славянскими книгами сербские епархии, обслуживали, конечно, наряду с ними, и епархии болгарские³³.

Любопытно, что и болгарская церковно-учительная письменность турецкого периода (так назыв. «дамскины») ведет свое начало из Западной Болгарии, непосредственно соприкасавшейся с Сербией или даже входившей в состав (сев.-зап. Македония) сербского Печского патриархата, и наиболее старые «дамскины» носят на себе сильное влияние сербского книжного языка, если не сказать — писаны на нем³⁴.

Таким образом, Печская патриархия поддерживала национальное чувство и национальное просвещение в подведомом ей болгарском населении Северной Македонии и Западной Болгарии. Как раз из этой местности и началось впоследствии болгарское возрождение. Известно, что родоначальник болгарского возрождения Паисий Хиландарский, автор «Истории славяно-болгарской» (1762 г.), происходил из Самоковской епархии (как предполагает Дринов, из македонской ее части), входившей в состав Печской патриархии. Многие из первых представителей новой болгарской литературы происходили из северо-западной Македонии, тоже входившей в состав Печской патриархии, а двое из них (Иоаким Кърчавский, ум. ок. 1820 г. и Кирил Пейчинович, ум. 1845 г.) здесь и развивали свою деятельность³⁵. Любопытно, что одна из книжек Кирилла Пейчиновича «Огледало», писанная «ради потребы и пользования преепростейшим и не книжным языком Болгарским долния Миссия, издана в Буда-Пеште в 1816 г. «иждивением и потщанием Благочейного во священницех Гдна Коста-Стотича попа от Призрена града» (т. е. сербского священника)³⁶.

Очевидно, между болгарским возрождением и влиянием Печской патриархии существует преемственная связь³⁷.

Со времени упразднения Терновской патриархии в начале XV в., а также Охридской архиепископии и Печской патриархии — во второй половине XVIII в. болгарский народ в целом его составе был подчинен церковно-юридической власти Константинопольского патриарха.

Когда Цариград был завоеван турками (1453 г.), Константинопольский патриарх был объявлен ими церковным и гражданским представителем всех христиан, входивших в состав Турецкой империи, без различия народностей. В его руки и в руки вообще греческой иерархии перешла не только церковная, но и гражданская и судебная власть над всем христианским населением империи. Ведению патриарха (и архиереев) подлежали судебные дела, в особенности по вопросам семейного, наследственного и брачного права, со всеми вытекающими из семейно-брачных отношений имущественными делами, дела школьные и др. Правительственные власти обязаны были содействовать исполнению приговоров патриарха (и архиереев). Константинопольский патриарх был представителем и ответственным лицом перед Портой за всех своих единоверцев, а вместе с тем был не только церковным, но и гражданским их владыкой (миллет-баши).

В своей внутренней жизни христианская церковь была наделена правами полного самоуправления. При открытии, например, новых епар-

³³ Дринов, т. II, 499. стр. Јов. Скерлић „Српска книжевност у XVIII веку“. У Београду, 1909, гл. VII (Штампарије), стр. 118 и след.

³⁴ Б. Цонев. „Новобългарската писменост преди Паисия“. Българ. Преглед, год 1 (1894), кн. VIII, 90—91.

³⁵ Дринов, т. II, 426—427; т. I, 552.

³⁶ А. Теодорович, „Сѣнки. I. Сафрониевци“. Българ. Преглед, год 1, кн. II, 58.

³⁷ Дринов, т. II, 501.

хий патриарх действовал совершенно самостоятельно, не извещая даже об этом турецкое правительство³⁸.

Турки, устроившие свое государство исключительно на религиозной основе, не обращали никакого внимания на национальные различия. И в деле организации христианских общин они игнорировали национальный принцип, а руководились только религиозными началами. Поэтому Константинопольский патриарх оказался главою всех православных христиан в Турции, без различия национальностей. Все православные национальности были объединены в Турции под общим названием «урум-миллет» — греческий народ, в смысле принадлежности к одному, греческому вероисповеданию³⁹.

Таким образом, Константинопольский патриарх и вообще греческая иерархия были наделены в Турции весьма широкими правами и привилегиями.

Эти права и привилегии перечислялись и подтверждались каждый раз (в отношении к патриарху — при назначении нового патриарха) в особых султанских бератах⁴⁰.

Но широкие права и привилегии, данные со стороны султана Константинопольскому патриарху и вообще греческой иерархии, налагали вместе с тем на них и значительные обязанности — чисто политического характера. Они, как и епископы, были ответственными лицами за подведомое им население.

Свои обязанности в отношении к Порте во времена неспокойные греческая иерархия доводила даже до крайностей. Например, в январе

³⁸ Ср. Бразили, „Архипелаг и Греция в 1830 и 1931 годах“, СПб. 1034, приложение к I части: „О нынешнем состоянии Православной Церкви на Востоке“, стр. 196—197. — О правах и привилегиях Константинопольского патриарха см. у И. И. Соколова, „Константинопольская церковь в XIX в.“, СПб., 1904, стр. 5—8; ср. стр. 608. Ср. Его же, „Епархии Константинопольской Церкви настоящего времени“, Петроград, 1914, стр. 64—65. См. также А. Преображенский, „Григорий V, патриарх Константин польский“, Казань, 1906, стр. 319 и след.; А. П. Лебедев, „История грековосточной, церкви под властью турок“, 2-е изд., СПб., 1904, стр. 99—100, 102—126; Вл. Гиргас, „Права христиан на Востоке по мусульманским законам“, СПб., 1865, стр. 82; П. Мансуров, „Константинопольская Церковь“, М., 1909, стр. 5—22; Я. Ильминский, „Святитель Афанасий III, патриарх Константинопольский, Пашеларий, Киев, 1915, стр. 4—5; Ст. Новаковић „Цариградска патријаршија и православље у Европској и православље и Европској Турској“ (Балканска питање, Београд, 1906), стр. 42. — Аналогичные с Константинопольским патриархом права принадлежали и пещскому и охридскому иерархам для упразднения этих автокефальных церквей.

³⁹ Проф. Н. А. Скабаланович, Политика турецкого правительства по отношению к христианским подданным и их религии (от завоевания Константинополя до конца XVIII ст.), Христ. Чт., 1878, ч. II, 440—441; В. Кянчов, „Гр. Скопие“, Пер. Сл. LV—LVI, 60—61; Ст. Новаковић, „Турско царство пред српски устанак 1780—1804“, Београд, 1906, стр. 273.

К большому несчастью для болгар, говорилось в записке Н. Герова, поданной 24 мая 1857 г. кн. Викт. Иллар. Ваеильчикову, турецкое правительство, принимая всех православных христиан империи за один народ, называет его греческим или римским (Румамилети), так что представитель этого сложного народа патриарх будучи родом грек, равно как и все архиереи, пользуются этим названием, чтобы выставить греков во всяком случае..., а на доли болгар остаются одни повинности“: (Т. Панчевъ, „Из Архивата на Найдено Геров“, Издава Българск. Академия на Науките“, кн. II, София, 1911, стр. 65—66, № 123.

⁴⁰ Ср. изложение содержания берата, данного в 1789 г. новоизбранному Константинопольскому патриарху Неофиту VII, у Ст. Новаковић, „Турско царство пред српски устанак“, стр. 267—272, по М. d'Ohsson-у „Tableau général de l'Empire Ottoman“, V, 1824, где он, в перев. яз., напечатан, стр. 120—139, также берет патр. Иоакима II, 1860 г. у проф. И. И. Соколова, „Константинопольская церковь в XIX в.“, стр. 695—704. Митрополитам и епископам тоже давались султанские бераты. См. берет, данный в 1675 г. Софийскому митрополиту Аксентию султаном Мехмедом IV (у Д. А. Ихчинева, „Турски документи за Софийската епархия“, Прѣглед, год II (1908, кн. I, стр. 29—30). Ср. архим. Н. Дучић, „Рашко — призренска митрополија“, Београд, 1896, стр. 73—79), берет султана Хамида II Рашко — Призренскому митрополиту Дионисию (1896 г.).

1829 г. Константинопольский патриарх Агафангел (один из немногих во время после греческого восстания 1821 г. — болгарин по происхождению, но, конечно, огреченный, издал Окружное послание, «возлагавшее на епископов обязанности начальников полиции, а на священников — обязанности тайных полицейских, причем духовенству были даны подробные руководственные указания относительно новой их деятельности и предписано в точности с ними сообразоваться, дабы достигнуть умиротворения державного царства и предохранить его от бунтовщиков»⁴¹.

Одним словом, турки связали до некоторой степени судьбу греческой иерархии с судьбой своего государства, а с другой стороны — наложили некоторое самоограничение на последнее в пользу первой.

Замечательно, что по мере расширения турецких владений, расширялась и власть греческой иерархии в землях не-греческих — не только в Болгарии, но и в Сербии, Боснии, Румынии, даже в Венгрии. И наоборот, по мере освобождения этих земель от политической турецкой власти, они освобождались и от греческой церковной власти⁴².

Константинопольская патриархия носила (и до сих пор носит) название «вселенской». Почетный титул этот указывал на присущий ей идеал в церковном управлении стоять выше начала народности. Требования этого начала вытекали и из разноплеменного состава патриархии. Но, к сожалению, на практике Константинопольская патриархия всегда была греческою, что объяснялось, конечно, тем обстоятельством, что фактическая власть в Константинопольской Церкви сосредоточивалась только в руках греческого племени⁴³.

Правда, не устранила была возможность достигать патриаршего престола и для иноплеменников, в том числе и для болгар, но только огречившихся⁴⁴. И если среди отдельных константинопольских патриархов встречались все же лица, способные возвыситься в национальном вопросе над чисто греческими интересами, то этого нельзя сказать о других органах центрального патриаршего управления, которыми главным образом и направлялась деятельность патриархии⁴⁵.

Проф.-прот. В. Верюжский

⁴¹ И. И. Соколов, «Константинопольская Церковь в XIX в.», 220—221.

⁴² И. Иванов, «Из црквене историје Срба у Турекој у XIX веку», Београд и Нов. Сад., 1902, стр. ...

⁴³ Ср. Ст. Новаковић, «Турско царство...», 282. — «Православие и эллинизм», — говорил проф. Н. Н. Глубоковский, — объединялись в тесной взаимности, почему первое стало квалифицироваться вторым. И христианский эллинизм осуществлял и развивал этот союз именно в националистическом духе... Отсюда исконные и непрекращающиеся притязания на исключительное верховенство в православии собственно эллинизма, как его обладателя и раздателя... В Константинополе всегда обнаруживали тенденции к церковному абсолютизму в православии и вовсе не благоволили развитию национально-автономных церквей, нелегко признавая их даже при иерархическом равенстве. В восточных патриархатах византийско-христианской самобытности и всячески отстаивает свою правительственно-иерархическую гегемонию, борясь против национальной независимости Дамаска (Антиохии) и Иерусалима.

В Константинополе далеко не с полной охотой согласились (в конце XVI в.) на самостоятельность Русской Церкви и не совсем помирлись с автокефалией Элладской (с половины XIX в.), а по отношению к Болгарской Церкви простерли националистическую нетерпимость до церковного разрыва, объявив ее (1872 г.) во всем объеме — под «схизмою». Достойно великого удивления, что поборники крайнего национализма в церковной сфере тогда же (в 1872 г.) признали у других недопустимыми национально-церковные стремления и даже провозгласили их новоизмышленною ересью под именем «филетизма!...» («Православие по его существу», Христ. Чт., 1914, январь, стр. 6—7). Ср. рассуждения Девтероксеноса (митр. Антония Храповицкого) в его брошюре «Вселенская Церковь и народности», Казань, 900, где он упрекает и греков в излишних национальных пристрастиях.

⁴⁴ Ср. Собрание мнений и отзывов по делам Православной Церкви на Востоке, Митрополита Филагета, СПб., 1886, стр. 189.

⁴⁵ Ср. П. Мансуров, «Константинопольская Церковь», 99.

О ЦЕРКОВНОЙ АВТОКЕФАЛИИ

Содержание

Догматические основы автокефалии. — Характер единства Церкви по учению Никео-Цареградского символа. — Отсутствие единого административного центра в древней Церкви. — Значение термина «автокефалия». — Спорность автокефалии многих Церквей. I. Возникновение автокефалии Церквей. — Канонические факторы автокефалии: власть Апостольская, Вселенских Соборов и автокефальных Церквей. — Мнимые факторы автокефалии: государственная власть, власть Епископата части автокефальной Церкви и власть Константинопольской Церкви вне границ ее территории. — Мотивы в пользу автокефалии. — II. Основы устройства автокефальных Церквей и границы их компетенции. — Различие автокефалии от автономии. III Автокефалия Русской Церкви.

Православная Церковь поделена на несколько самостоятельных, так называемых автокефальных Церквей. Таковое ее устройство обычно является темой обвинения против нее католических полемистов, видящих в существовании нескольких самостоятельных Церквей нарушение начала единства Церкви. На самом деле, как раз наоборот. Именно сосуществование нескольких православных автокефальных Церквей доказывает, что Православная Церковь имеет истинное, свойственное только Церкви, единство, тогда как устройство Церкви Римско-католической показывает, что она, подпав под влияние чуждого Церкви Христовой государственного начала, усвоила чуждое истинной Церкви устройство.

Характер единства известного предмета зависит от его качеств. Одно дело единство камня, куска минерала и совершенно другое — единство растения или же животного или единства какой-либо социальной организации и, наконец, совершенно особого рода есть единство той особой небесно-земной организации, которая именуется Церковью. Общий как Православной, так и Римско-католической Церкви символ Никео-Цареградский (*Filioque* прибавлено на Западе позднее), излагая учение о Церкви, на первом месте ставит ее единство: «Верую... во единую...», но сейчас же указывает и другие особенности Церкви, показывая, каково должно быть это единство: «Святую, Соборную и Апостольскую Церковь».

Единая Церковь есть вместе с тем святая. Так как свят в собственном смысле есть «един Господь», Церковь является святою потому, что она освящается Господом, потому что приобщена божественной жизни, и единство Божие и единение Церкви с Господом является источником единства Церкви. Церковь едина потому, что она имеет единый источник своей святости и не может не быть единой уже в силу своей святости.

Единая и Святая Церковь, вместе с тем есть Церковь Соборная, Кафолическая, т. е. всеобъемлющая, не ограниченная пространством и временем, а объемлющая верующих во всем мире, а так как мир един, то и кафоличность Церкви является выражением ее единства.

Наконец, Единая, Святая, Кафолическая Церковь есть вместе с тем и Церковь Апостольская, ибо освящение свое Церковь получает от

Господа путем Апостольского преемства и дарованные Основателем Церкви Апостолам дары освящения всегда остаются таковыми же, какими они были и при жизни Апостолов. Но эти дары Основателем Церкви не дарованы кому-либо из Апостолов в отдельности, а дарованы объединенному любовью и причастному Божественной жизни Апостольскому сонму (Ио. 15, 17; 17, 21—23) и единство этого сонма, как и единство его преемника-епископата, служит выражением и единства Церкви. 34-е Апостольское правило говорит, что Церковь управляется единомыслием Епископов, и авторитетный толкователь канонов Иоанн Зонара говорит: «Правило хочет, чтобы Епископы были единомышленны, связаны союзом любви» (Афин. инт., II 46).

Но так как постоянное коллективное выполнение Апостольского служения невозможно уже технически, то Апостолы действовали сообща только в вопросах, которые касались всей Церкви, например, на Апостольском Соборе в Иерусалиме. Между тем, рассеявшись по всей земле, они основывали Церкви, хотя и во имя Апостольского сонма и как бы по его поручению, но действовали самостоятельно и управление основанными ими Церквями передали Епископам, которые действовали также самостоятельно, как и сами Апостолы. Этим Апостолы показали, что как Вселенская Церковь должна управляться Вселенским Епископатом, так и каждая поместная Церковь может иметь свою иерархию и свое особое епископское управление.

Почерпая свое освящение непосредственно свыше от Духа Божьего, каждая поместная Церковь остается самодовлеющей, но так как сей источник освящения един, то она остается вместе с тем и единой Церковью. Никакого общего земного центра, которому должны бы быть подчинены все поместные Церкви, быть не может, так как существование такого центра, при существовании общего центра небесного, вносило бы дуализм в Церковь и нарушало бы ее единство. И, действительно, такого земного центра, пока вся Церковь оставалась верной Апостольскому учению, не существовало. Во всем Новом Завете нет ни малейшего намека, чтобы основанные Апостолами поместные Церкви стояли в какой бы то ни было зависимости от Церкви Римской. 34-е Апостольское Правило говорит о том, что все дела всякой поместной Церкви окончательно решаются ее Епископатом, возглавленным ее первым Епископом. Апостольские Постановления, перечисляя в своей 7-й книге, основанные Апостолами Церкви, Римскую Церковь упоминают только на пятом месте (Минь, гр. VII, 1047—1048). 5-е Правило I Вселенского Собора и 36-е Правило VI Вселенского Собора упоминают о Римской Церкви на ряду с другими великими поместными Церквями. 2 Правило II Вселенского Собора, того именно Собора, который формулировал православное учение об единой Церкви, вообще запрещает всем поместным Церквям простираť свою юрисдикцию за свои границы и, конечно, говоря в своем Символе веры о единстве Церкви, Собор никак не мог разуметь под этим единством подчинение одному земному центру, ибо история свидетельствует, что во времена Собора самостоятельными, автокефальными были Церкви, если не во всех Римских провинциях (а их было около 100), то во всяком случае во всех 14 диоцезах Римской империи. Наконец, 3-е правило II Вселенского Собора приравнивает к Римской Церкви Церковь Константинопольскую по чести, а 28-е Правило IV Вселенского Собора и по власти, указывая согласно с I Никейским Собором, что единственной причиной высокого положения Римской Церкви являются не какие-либо догматические мотивы, а единственно политическое значение Рима, как столицы империи. А когда некоторые великие Церкви пытались подчинить себе другие малые поместные Церкви, верное Апостольскому учению и просвещенное Духом Божиим сознание Все-

ленского Епископата предотвращало такие попытки, противопоставляя им истинное учение о единстве Церкви. Когда великая Антиохийская Церковь хотела подчинить себе малую Кипрскую Церковь, III Вселенский Собор в 8-м своем правиле, характеризуя такую попытку, как «дело вопреки постановлениям церковным и правилам святых Апостол (очевидно, разумеется 35-е Апостольское Правило), нововводимое и посягающее на свободу всех», как «общественную болезнь, требующую сильнейшего врачевания, яко больший вред приносящую», постановил:

«Начальствующие во святых Кипрских церквях да имеют свободу, без притязания к ним, и без стеснения их, по правилам Св. Отец, и по древнему обыкновению, сами собой совершати постановление благоговейнейших епископов».

Но Собор не ограничился решением вопроса о Кипрской Церкви, а вынес далее и общее категорическое определение относительно неприкосновенности автокефалии всех Церквей.

«То же да соблюдается и в иных областях, и повсюду в епарихях (т. е. в митрополиях), дабы никто из боголюбнейших епископов не простирали власти на иную епархию, которая прежде и сначала не была под рукой его, или его предшественников: но аще кто простер и насильственно иную епархию себе подчинил, да отдаст оную».

И далее Собор дает глубокое обоснование этого своего постановления:

«Да не преступаются правила отец, да не вкрадывается, под видом священнодействия, надменность власти мирския: и да не утратим по малу неприметно тоя свободы, которую даровал нам кровию Своею Господь наш Иисус Христос, Освободитель всех человеков».

После этого Собор делает общее заключение, указывает практическую меру для обеспечения автокефалии всех Церквей и, наконец, объявляет недействительным всякое противное сему постановление в будущем:

«Итак святому и Вселенскому Собору угодно, чтобы всякая епархия (т. е. митрополия) в чистоте и без стеснения сохранила сначала принадлежавшие ей права по обычаю, издревле утвердившемуся. Каждый Митрополит, для своего удостоверения, может невозбранно взяти список с сего постановления. Аще же кто предложит постановление противное тому, что ныне определено: угодно есть святому и Вселенскому Собору да будет оно не действительно».

Невозможно с большей силой и решительностью провозгласить принцип неприкосновенности автокефалии.

А когда глава этой малой Кипрской Церкви Архиепископ Иоанн вынужден был, по политическим причинам, переселиться вместе со своим клиром и паствою в пределы другой великой Церкви — Константинопольской, VI Вселенский Собор, защищая полную самостоятельность Кипрской Церкви, постановил:

«Да будут сохранены неизменными преимущества, данные престолу вышепоименованного мужа (т. е. Архиепископа Иоанна), от богоносных отец, во Ефесе некогда собравшихся, да имеет новый Юстианополь (кафедральный город Кипрской Церкви) права Константинополя, и учреждаемый в оном боголюбнейший Епископ да начальствует над всеми Епископами Геллеспонтской области, и да будет поставляем от своих Епископов, по древнему обычаю».

Когда Римская Церковь стала пытаться подчинить своей юрисдикции Церковь Карфагенскую, выдавая правила поместного Сардикийского Собора за правила I Вселенского Собора, Карфагенский Собор написал папе Целестину:

«Определение Никейского Собора, как клириков низшей степени, так и самих Епископов отсылает к собственным их Митрополитам. Разумно и

праведно признал он, что какие бы не возникали дела, они должны быть оканчиваемы на своих местах, ибо отцы судили, что ни для единыя области не оскудевает благодать Святого Духа, чрез которую правда иереями Христовыми и зрится разумно и держится твердо, и наипаче, когда каждому, аще настоят сомнения в справедливости решения ближайших судей, позволено приступати к Соборам своей области, даже к Вселенскому Собору. Разве есть кто-либо, который бы поверил, что Бог наш может единому токмо некоему вдохнуть правоту суда, а бесчисленным иереям, сошедшимся на Собор, откажет в оном?»

После этого глубокого доказательства неприкосновенности автокефалии Собор убеждает папу отказаться от вмешательства в дела автокефальной Карфагенской Церкви, «да не явима мы вносящими дымящее надмение мира в Церковь Христову, которая желающим зрети Бога приносит свет простоты и день смиренномудрия» и в заключение категорически заявляет, что впредь таких посягательств на ее автокефалию «Африка отнюдь не потерпит».

И это Соборное Послание было включено в официальные канонические сборники Православной Церкви и, таким образом, получило общеобязательное значение.

Поясним теперь самое слово «автокефалия», а затем перейдем к вопросу об условиях автокефалии, т. е. о том, что именно требуется для канонического возникновения автокефалии и ее канонического существования.

Термин «автокефальная церковь» стал употребляться лишь с начала V века. Слово «автокефальный» — греческое и составлено из двух слов — „αὐτός“ — сам и „κεφαλῇ“ — глава и применяется к светским и церковным организациям, которые являются самоглавными, т. е. имеют свою главу, свою, независимую от другой, высшую или суверенную власть. К политической суверенности этот термин применяется, например, у Константина Порфирородного (ум. в 959 г., Боннское издание, стр. 128, у продолжателя историка Феофана (Боннского изд., стр. 84) и др. В смысле церковной зависимости или, по выражению Карфагенского Собора (правило 18), «полноправности» (πληρῆς ἡαὐθεντίας) этот термин находим, например, у Феодора Чтеца (ум. 525 г., Минь, гр. 86, 183), у Епифания Константинопольского (ум. 535 ч., Минь, 86, 1, 789 В), у Феофилакта Болгарского (ум. 1107 г., Минь, гр. 123, письмо 27), у Феодора Вальсамона (Афинская Синтагма. II, 171—172) и др. Латинский перевод передает этот термин словами: «libera ac sui juris», т. е. свободная и самостоятельная или «independens» — независимая.

Вальсамон называет автокефальными всех Митрополитов провинций в эпоху II Вселенского Собора. Епифаний называет автокефальными независимых Архиепископов в отличие от „τῶν ἐπισκόπων ἐπηχομένων“, т. е. от Епископов, подчиненных другим Епископам, и насчитывает в Византии 6 автокефальных церквей. В официальном каталоге автокефальных церквей, существовавших в апреле 1855 г., напечатанном в Афинской Синтагме (V, 513—530), перечисляются 10 автокефальных Православных Церквей, начиная с Церкви Константинопольской и кончая Элладской.

До того же времени, как термин «автокефальная церковь» вошел во всеобщее употребление, для обозначения автокефальной церкви довольствовались указанием лишь ее географического положения, напр., церковь Иерусалимская (Деян. 8, 1; 11, 22), Ефесская (Апокал. 2, 1) и др.

Не все Церкви, именовавшие и именующие себя автокефальными, являются таковыми на самом деле. Уже в старое время оспаривалась автокефалия некоторых Церквей, хотя иногда и без основания. Например, в IV веке Василий Великий оспаривал автокефалию Церкви Армянской, в

VI веке римский папа оспаривал автокефалию основанной Юстинианом 15 апреля 535 г. церкви Первой Юстинианы. В начале XIII века Охридский Архиепископ Димитрий Хоматиан оспаривал автокефалию Церкви Сербской, с 1185 г. по 1234 г. Константинопольские патриархи не признавали автокефалии Болгарской Церкви, с 1346 г. по 1375 г. они оспаривали право на полную автокефалию Церкви Сербской (Miclosic und Müller, Acta Patr. Cont. 1, 553—555; 560—564), а в 1355 г. это право Болгарской Церкви оспаривал Патриарх Каллист (там же, 1, 468). В XIX и XX вв. вопрос о каноничности автокефалии многих церквей получил особую остроту и поднимался относительно Церквей Элладской, Румынской, Германштадтской или Сибинской, Черногорской, Синайской, Болгарской, Польской, Украинской, Албанской, Грузинской, Хорватской, Македонской, Финской.

Как говорит Карфагенский Собор, «без мира и единения не может состояться спасение христиан»! (пр. 80) и «немощные души и несведущие погибают в святотатственном разделении» (пр. 103), и споры относительно автокефалии портили нормальные взаимоотношения между Православными Церквями, соблазняли простых верующих и роняли авторитет Православной Церкви в глазах инославного мира. Понятно поэтому, какую громадную практическую важность имеет выяснение вопроса о канонических условиях автокефалии. Эти условия касаются, во-первых, возникновения автокефалии и, во-вторых, устройства автокефальной церкви.

I

Юридическая аксиома: «никто не может дать другому больше прав, чем имеет сам» является вместе с тем и аксиомой канонической, имеющей основу в Слове Божиим: «посланник не больше пославшего его», говорит Сам Основатель Церкви (Ио. 13, 16; ср. Луки 6, 40). «Как может дать другому то, чего не имеет сам», — говорит Номоканон при Большом Требнике (пр. 82а; А. С. Павлов, Номоканон при Большом Требнике, Москва, 1897, стр. 211). То же пишет и Митрополит Киприан (1376—1401) в своем послании (Русская Историческая Библиотека, VI, 257), а так как всякая автокефальная Церковь имеет высшую, суверенную власть, то, очевидно, основать автокефальную Церковь может только организация или лицо, которое само имеет высшую власть. А такая власть присуща лишь, во-первых, Апостолам, во-вторых, — Епископату Вселенской Церкви, и в-третьих Епископату автокефальной Церкви.

а) Что Апостолам принадлежала полнота власти земной церкви и что они основывали первые автокефальные церкви, об этом мы уже говорили. Об этом свидетельствуют и многие авторитетные памятники, напр. Апостольские постановления, постановления Иерусалимского Собора 1672 г. (Пр. 10), Послание Восточных Патриархов (чл. 10), Православное Исповедание (1, 85).

Существовало мнение, что только Церкви, лично основанные Апостолами, имеют право на автокефалию, и автокефалия некоторых Церквей оспаривалась по тем соображениям, что они не были основаны Апостолами. Например, папы Лев Великий (письмо 104, 3) и Николай I (Минь, лат., 119, 927) оспаривали автокефалию Константинопольской Церкви, доказывая, что она не основана Апостолами. Точно также Антиохийская Церковь доказывала, что Церковь Грузинская не может быть автокефальной, так как «никто из Апостолов не был в Грузии» (Журн. и протоколы Предсоборного присутствия, III, 2, 134). Папа Григорий Великий (Минь лат., 77, 899) доказывал, что весь мир должен быть поделен между тремя, основанными Апостолами Петром, Церквями: Римской, Александрийской и Антиохийской. Поэтому некоторые Церкви старались связать свое возникновение с именем одного из Апостолов, создавая легенды,

покоющиеся на очень шатких исторических основаниях. Например, Церкви Константинопольская Γεθ:ων, χλννν:κλ: ιατλ:ε: 1884, стр. 89), Русская Кормчая Книга, (изд. 1816, л. 5: о уверении и крещении Руси). Грузинская (Журн. и протоколы, III, 2, 134) связывали свое возникновение с именем Апостола Андрея. Эта теория не находит для себя основания ни в Священном Писании, ни в канонах. Апостолы не делили землю на определенное число автокефальных церквей и автокефальные церкви возникали и после апостольского времени, а, с другой стороны, церкви, основанные самими Апостолами, теряли свою автокефалию или временно (напр. Иерусалимская, Афинская) или и навсегда. Например, из 18 церквей, перечисленных в качестве автокефальных в Апостольских Постановлениях, только 5 сохранили свою самостоятельность.

Однако в этой теории есть зерно истины, так как все существующие автокефальные Церкви, если и не являются прямым продолжением Церквей, основанных самими Апостолами, то во всяком случае являются ветвями церквей, основанных Апостолами, и все они получили свои права путем апостольского преемства, и потому все автокефальные Церкви являются совершенно равноправными между собой, независимо от того, получили ли они свою автокефалию от Апостолов непосредственно или чрез посредство основанных Апостолами других Церквей.

б) Так как Апостолы передали полноту своей власти над Церковью Вселенскому Епископату, то право основывать новые автокефальные церкви принадлежит и всему Епископату, выражающему свою волю чрез Вселенские Соборы, как свой орган. И, действительно, Вселенские Соборы не раз решали вопросы, касающиеся автокефалии. Так, I Вселенский Собор (Пр. 6) говорит о правах автокефальных Церквей, Римской, Александрийской и Антиохийской и о положении Церкви Иерусалимской, (Пр. 7). II Вселенский Собор говорит о границах автокефальных церквей: Александрийской, Антиохийской, Асийской, Понтийской и Фракийской (Пр. 2). III Вселенский Собор защитил автокефалию Кипрской Церкви (Пр. 8). IV Вселенский Собор подтвердил автокефалию Константинопольской Церкви, подчинив ей автокефальные Церкви — Асийскую, Понтийскую и Фракийскую (Пр. 28). Наконец, IV Вселенский Собор установил ранг пяти главных автокефальных церквей (Пр. 36) и подтвердил автокефалию Кипрской Церкви (Пр. 39).

в) Однако как Апостолы, так и Вселенские Соборы не могут рассматриваться, как обычная инстанция, разрешающая вопросы об основании автокефальных Церквей. Первые потому, что они жили лишь в эпоху основания Церкви, вторые потому, что они были чрезвычайным явлением и уже в силу этого не имевшим возможности всегда решать такие вопросы текущей церковной жизни, как вопрос об автокефалии. Обычным фактором автокефалии является воля Епископата уже существующих автокефальных церквей, делающего постановления во имя Епископата Вселенского, обычно чрез свои органы — Соборы. Но тогда как компетенция Вселенского Собора простирается на всю Вселенскую Церковь, компетенция Собора автокефальной Церкви ограничивается ее собственной территорией, причем Собор может как провозгласить новую автокефалию части своей церкви, так и отказаться от автокефалии своей церкви, постановив о присоединении ее к другой автокефальной церкви. И церковная история дает много примеров постановлений как первого так и второго рода.

Так, постановлениями Собора или Синода Церкви Константинопольской были провозглашены автокефальными Церкви: Болгарская (1932, 1934 и 1946 гг.), Сербская (1218 и 1879 гг.), Русская (1589 г.), Эладская (1850 г.), Румынская (1885 г.), Албанская (1938 г.). Грузинская Церковь в древнее время получила автокефалию от Церкви Антиохийской, в по-

следнее время — от Русской и т. д. От Русской Церкви получила автокефалию и Церковь Польская.

Имеем и много примеров слияния нескольких автокефальных церквей в одну. Например, в первой половине IV в. церкви всякой провинции или митрополии (а их было около ста, по свидетельству Вальсамона (Афин. Синт, II, 173) были автокефальны. Между тем ко времени II Вселенского Собора митрополии объединились в большие церкви — Экзархаты, параллельные государственным диоцезам, каковых было 14, что и подтвердил Собор 2-м своим правилом, а затем столичные Церкви, сначала Римская, а по ее примеру и Константинопольская, объединила под своей властью по несколько диоцезов, так что в VI в. в границах Греко-Римской империи оказалось всего 6 автокефальных церквей. Подобные объединения происходили и в новое время. В 1920 г. три автокефальных Церкви: Сербского королевства, Карловицкая и Черногорская, а также части церквей Константинопольской и Буковинско-Далматинской и автономная Церковь Босне-Герцеговинская объединились в одну Сербскую Церковь. В том же году объединились в одну Румынскую Церковь три автокефальные Церкви: Румынского королевства, Германштадтская и Буковинская.

Каким из этих трех факторов — волей Апостольской, Вселенского Собора или Епископата автокефальной церкви — создана автокефалия известной церкви, ее автокефальные права остаются те же с тем лишь различием, что церкви, автокефалия которых была признана Вселенскими Соборами, формально могут быть лишены автокефалии только новым Вселенским Собором, пример чего дал IV Вселенский Собор, лишив автокефалии Церкви: Фракийскую, Асийскую и Понтийскую. Никакие другие факторы не могут основать канонически автокефальную церковь, хотя история церкви и свидетельствует, что такие попытки делались не раз, а именно делались: а) государственною властью, б) Епископатом части автокефальной церкви и в) Церковью Константинопольской вне ее пределов.

а) Теоретическое обоснование права государственной власти провозглашать автокефалию дала, например, Комиссия из 7 членов во главе с протестантствующим канонистом Феоклитом Фармакидисом, имевшая целью подготовить самочинное провозглашение автокефалии Элладской Церкви в 1833 году. По мнению Комиссий, Церковь свободна лишь в своих внутренних делах — в вопросах догмата и культа, тогда как вопросы, касающиеся устройства Церкви и отношения ее к другим церквям, входят в исключительную компетенцию государственной власти. Такая же идеология лежала и в основе самочинного провозглашения автокефалии Румынской Церкви в 1865 г. Защищает ее и доцент Краковского университета Стефан Ландрот, оправдывая в своей книге: «Об автокефалии Православной Церкви в Польше» (Варшава, 1932) автокефалию Польской Православной Церкви.

Мотивы провозглашения автокефалии Православной Церкви, находящейся на территории известного государства, властью этого государства вполне понятны, но не могут быть оправданы принципиально. Подчинение местной церкви церковной власти, находящейся на территории другого государства, грозит опасностью, что эта зависимость может быть использована в политических целях. Ярким примером такого использования может служить хотя бы послание Константинопольского Патриарха Антония 1393 г. русскому великому князю Василию Димитриевичу, где доказывается, что Россия должна признавать власть Византийского императора (Русс. Ист. Библиотека, т. VI, Прил., стр. 265—276). С другой стороны, Церковь, не имеющая опоры вне государственной власти, легче может стать послушным орудием государственной власти, чем Церковь, зависящая от власти, находящейся в другом государстве. Однако этот

мотив не может быть оправдан. Церковь может пользоваться свободой лишь постольку, поскольку она остается в своей, ей свойственной, чисто религиозной сфере, и как только она, нарушая свое учение, переходит в сферу политики, государственная власть имеет право и возможность своими санкциями поставить ее в свои границы. Стремление использовать церковь в целях политики не может быть оправдано, т. к. церковь наибольшую пользу оказывает государству тогда, когда, оставаясь вне политической сферы, она все свои силы направляет к моральному возвышению народа. А главное, дарование государством церкви автокефалии противоречит той же канонической аксиоме, по которой никто не может дать другому право, которого не имеет сам. Государственная власть не имеет не только верховной церковной власти, но и вообще никакой церковной власти и потому не может дать этой верховной власти церкви на своей территории. Церковь и вся ее организация вовсе не есть создание государственной власти. Церковь возникла и организовалась не только независимо, но и вопреки этой власти, в течение трех веков не признававшей даже права церкви на существование. Если позднее, когда христианство сделалось государственной религией, Церковь допускала вмешательство государственной власти в вопросы церковного устройства, то она допускала это лишь власти православной, исходя из той мысли, что последняя, как православная, не станет действовать во вред Православной Церкви, а не всякой государственной власти вообще. Но и в эту эпоху, в эпоху союза Церкви с государством, когда Церковь и государство были лишь сторонами одного организма, сознание, что церковная организация и, в частности, вопрос об автокефалии входит в компетенцию самой церковной власти, всегда было присуще Церкви. Специальный вопрос о распределении церковных областей рассматривался на 4 заседании IV Вселенского Собора и решен в том смысле, что здесь имеют силу не царские указы, а церковные права, с чем согласились и представители императора на Соборе (Деяния Всел. Соб., т. IV, стр. 63—85). Согласно с этим 12 правило Собора постановляет, что, если какой Епископ, прибегнув к светской власти, путем царского указа разделит одну митрополию на две и сам делается ее Митрополитом, то он и впредь должен подчиняться своему Митрополиту, т. е. не будет иметь автокефальных прав. А дерзнувший сделать это после Соборного постановления лишается сана. И Собор применил это правило к конкретному случаю. Хотя Никейская митрополия, подчиненная Никомидийскому Митрополиту, получила независимость по указу императора Валентиана, Собор вновь подчинил ее Никомидийскому Митрополиту. Правда, византийские императоры часто нарушали это начало, а услужливые канонисты, вроде Вальсомона и Хоматиана, оправдывали такие нарушения, но неподкупный канонист Зонара справедливо видит в таких действиях нарушение канонического порядка (Афин. Синт. II, 247), а начиная с 1087 г. в Византии действовал указ Алексея Комнена, по которому царские указы о распределении границ церквей действительны только после утверждения их Патриархом (Афин. Синт., II, 394), и из актов Константинопольской Патриархии, изданных Миклошичем и Мюллером, видим, что царские указы о новом делении церковных областей всегда сопровождаются церковными актами, подтверждающими эти указы (т. I, стр. 45, 69, 71, 81, 92 и т. д.). Например, Хризовул императора Иоанна Кантакузена 1347 г. о подчинении всей России Киевскому Митрополиту сопровождается определением Константинопольского Синода, подтверждающего Хризовул (стр. 263—271). А в 1850 г. Константинопольский Собор, давая автокефалию Эладской Церкви, провозгласил, как общий принцип, что только Соборы могут делать постановления об автокефалии (Афин. Синт., V, 181—182). Все многочисленные попытки государственной власти дать автокефалию своей Церкви помимо власти

церкви кириархальной всегда и неизменно приводили только к смутам и кончались либо неудачей, либо вынужденным обращением с просьбой об автокефалии к власти кириархальной церкви.

Так провозглашение автокефалии Армянской Церкви королем Папом вызвало протест и анафему на эту церковь со стороны самого корифея канонического права св. Василия Великого, которому до того времени была подчинена Армянская Церковь, как Экзарху Понтийского диоцеза. Провозглашение автокефалии церкви 1 Юстинианы в 11 новелле императора Юстиниана 15 апреля 535 г. вызвало протест Римского папы и из 131 новеллы того же императора от 18 марта 545 г. мы видим, что эта автокефалия не существовала и 10 лет, и новая церковь была подчинена папе. Провозглашение автокефалии Болгарской Церкви в 1185 г. вызвало раскол с Церковью Константинопольской, продолжавшейся до 1234 г., т. е. около 50 лет, и Болгарская Церковь была вынуждена просить Константинопольского и др. патриархов относительно канонического провозглашения ее автокефалии. Точно также превращение ограниченной автокефалии Сербской Церкви в полную царем Душаном 1446 г. не было признано Константинопольской Патриархией и др. автокефальными церквями. Патриархия наложила на Сербскую Церковь отлучение, и в конце концов она была вынуждена просить о каноническом провозглашении ее автокефалии в 1375 г., т. е. после раскола, продолжавшегося почти 30 лет. Провозглашение автокефалии Элладской Церкви властью короля Оттона в 1833 г. не было признано Константинопольской Патриархией и др. автокефальными церквями, и раскол продолжался 17 лет—до 1850 г., когда Афинский Синод обратился к Константинопольской Патриархии с просьбой о провозглашении автокефалии Элладской Церкви, что Патриархия и сделала специальным актом-томосом своего Синода, в котором говорилось, что право давать автокефалию принадлежит только Соборам Церкви-Матери и что Элладская Церковь получила каноническую самостоятельность только на основании этого томоса. Вызвало раскол и самочинное провозглашение автокефалии Румынской Церкви — и через 20 лет и Румынская Церковь была принуждена просить Константинопольскую Церковь о провозглашении автокефалии, что и произошло 15 мая 1885 г. Та же судьба постигла и самочинное провозглашение автокефалии и Болгарской Церкви в 1872 г., и она получила каноническую автокефалию только после обращения с просьбой о том к своей Церкви-Матери в 1946 г. Такова же история автокефалии и Албанской Церкви, сначала самочинно объявленной, а затем дарованной канонически Константинопольскою Церковью в 1938 г. и Церкви Польской, получившей каноническую автокефалию только в 1948 году.

б) Не могут провозглашать автокефалию части автокефальной церкви Епископы этой части или по собственным побуждениям или под давлением государственной власти. Примеры такого провозглашения бывали неоднократно. В перечисленных выше случаях провозглашения автокефалии государственной властью государственная власть иногда прикрывалась авторитетом местного Епископата. Местные Епископы провозгласили автокефалию Польской Церкви в 1923 г., Грузинской Церкви в 1917 г. В этих случаях мы имеем также нарушение канонической аксиомы, отрицающей возможность дарования права тем, кто его сам не имеет, с той лишь разницей, что здесь несуществующее право дается не другому, а себе самому. Такое самовозвышение явно противоречит Слову Божьему, учащему, что он «никто же сам себе приемлет честь» (Евр. 5, 4). С чисто канонической точки зрения это есть прямое нарушение 34 Апостольского правила, 9 правила Антиохийского Собора и 15 правила Двукратного Собора, предписывающих Епископам всякой церкви «ведати Епископа в митрополии начальствующего и ничего особенно важного не

делать без него, не устраивать Соборов без его председательства, и в знак общения с ним поминать его имя за богослужением.

«Аще который Пресвитер или Епископ или Митрополит, — гласит 15 правило Двукратного Собора, — дерзнет отступить об общении со своим Патриархом и не будет возносить имя его по определенному и установленному чину в Божественном тайнодействии, но прежде Соборного оглашения и совершенного осуждения его учинить раскол: таковому Святый Собор определил быти совершенно чужду всякого священства, аще токмо обличен будет в сем беззаконии».

Поэтому такие самочинные автокефалии имели ту же судьбу, что и автокефалии, провозглашенные государственной властью. Они не признавались ни Церковью-Матерью, ни другими церквами, и или ликвидировались, или получали каноническую правильность путем обращения к законной инстанции — к центральной власти кириархальной Церкви.

Только в двух случаях часть автокефальной церкви может стать фактически временно самостоятельной без особого постановления центральной власти своей кириархальной Церкви.

Первый случай — это, когда центральная власть кириархальной церкви уклонится в ересь. В силу 15 правила Двукратного Собора 861 г. Епископы известной церкви должны быть в единении с ее предстоятелем и поминать его имя за богослужением, но если он будет осужден Собором за ересь, они не только могут, но и должны порвать всякое общение с ним.

«Отделяющиеся от общения с предстоятелем, — гласит правило, — ради некия ереси, осужденныя Святыми Соборами или отцами, т. е., когда он проповедует ересь всенародно и учит оной открыто в церкви, таковые еще и оградят себя от общения с глаголемым епископом, прежде соборного рассмотрения, не токмо не подлежат положенной правилами епитимии, но и достойны чести, подобающей православным. Ибо они осудили не епископов, а лжеепископов и лжеучителей, и не расколом пресекли единство церкви, но потщились охранить церковь от раскола и разделений».

В таком случае высшая власть автоматически переходит к Епископату, оставшемуся верным православию, и возглавляемая им часть церкви становится фактически самостоятельной.

Здесь мы имеем случай применения так называемого деволюционного права, существующего не только в области гражданской администрации, но и в области администрации церковной, по которому если какая-либо власть не может или не желает выполнить свою функцию, эту функцию может взять на себя другая власть, подобно тому, как в организме один член заменяет неспособный к действию другой, например, левая рука заменяет правую, нога — руку и т. д. Так по 11 правилу VII Вселенского Собора, если епископ не назначит в своей епархии економа, то это должен сделать Митрополит, а если эту обязанность не выполнит Митрополит, ее выполняет Патриарх.

В таком положении оказалась, например, Русская Церковь после того, как ее кириархальная Константинопольская Церковь заключила унию с Римом, и Митрополит Иона был поставлен своими же Епископами, т. е. поставлен, как глава автокефальной церкви.

Другой случай — это, когда часть автокефальной Церкви оказывается совершенно оторванной от центральной власти внешними условиями или, когда эта центральная власть вынуждена бездействовать. В таком положении в течение долгого времени были захваченные неверными Восточные Патриархаты — Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский, когда их главы посвящались и проживали в Константинополе. Такое положение предусмотрено в 37 правиле VI Вселенского Собора, постановив-

шего согласно с 18 правилом Антиохийского Собора, что «порабощение от язычников не должно действовать ко вреду церковных прав» и что «нуждою времени... не должны стесняемы быти пределы управления».

И Русская Церковь, во время захвата центральной власти живоцерковниками, уполномочила на полное временное самоуправление лишённые канонического возглавления свои части, о чем говорят Постановление Патриарха, Синода и Высшего Церковного Совета от 20 ноября 1920 г., послание Местоблюстителя Митрополита Агафангела от 18 апреля 1922 г. и письмо заместителя Местоблюстителя Митрополита Сергия заграничным епископам от 12 сентября 1926 г.

Нужно сказать, однако, что и в первом и во втором случае имеется лишь фактическая автокефалия, т. к. церкви, находящиеся в таком положении, вынуждены ставить епископов своими же епископами, но эта временная автокефалия может превратиться в постоянную каноническую автокефалию только после того, как центральная власть кириархальной церкви, находясь в нормальных условиях, выразит на это свое согласие.

в) Как мы видели, всякая автокефальная церковь полномочна дать автокефалию только той части церкви, которая подчинена ее юрисдикции. Дарование автокефалии части другой какой-либо автокефальной церкви есть нарушение основного канонического принципа о неприкосновенности прав всякой автокефальной церкви, строго осуждаемое канонами. Таковые нарушения в последнее десятилетие не раз допускала Церковь Константинопольская, но об этом мы говорили в особой статье: «О границах распространения права власти Константинопольской Патриархии на «диаспору»» («Журн. Моск. Патр.» 1947, № 11, стр. 34—35), к которой отсылаем читателя.

Итак, канонически автокефальной является та церковь, которая получила автокефалию или от самих Апостолов, или от Вселенского Собора, или от той автокефальной церкви, в границах которой она находилась ранее.

Из этих трех факторов автокефалии практическое значение в настоящее время имеет лишь третий фактор — воля автокефальной церкви. Каким же мотивом должна руководиться автокефальная церковь, освобождая от своей власти известную свою часть и давая ей автокефалию? Как и во всех церковно-административных вопросах, в вопросе об автокефалии церковная власть должна руководиться лишь одним основным мотивом — пользой самой церкви, а эту пользу она должна видеть в создании условий, нужных для выполнения ее спасительной миссии. В частности, кириархальная церковь при решении вопроса об автокефалии должна считаться, во-первых, с волей епископата и народа той части церкви, которая может получить автокефалию; во-вторых, с волей государственной власти и, в-третьих, с географическими условиями.

1) Если решение вопроса об автокефалии принадлежит центральной власти, то самое возбуждение вопроса обычно принадлежит той части церкви, которая хочет получить автокефалию. Право говорить от имени этой части принадлежит ее епископату, но по канонам Карфагенского Собора в этом вопросе нужно принимать во внимание и желание народа.

«Народу, имеющему своего Епископа и по смерти его не восхотевшему иметь своего Епископа, а желающему присоединиться к епархии иного какого-либо Епископа, не должно в сем отказывать» (пр. 112).

«Аще будет место равно близко к обоим престолом, то да поступит к тому, которого народ изберет» (пр. 132, ср. Феоф. 2).

Обычно мотивом к церковной самостоятельности для самого народа служит принадлежность его к другой национальности, чем та, к которой принадлежит центральная власть автокефальной церкви. Таков был, например, главный мотив провозглашения автокефалии в Болгарской и Гру-

зинской Церквах. Однако нельзя думать, что национальное различие обязывает кириархальную церковь давать автокефалию своей части, населенной другой народностью. Обычно в пользу такого мнения, приводят 34-е Апостольское правило, говорящее о самостоятельности церкви «всякого народа». По учению Слова Божьего в Церкви Христовой нет ни эллина, ни иудея, ни варвара, ни скифа. 34-е Апостольское правило, говоря о народах, понимает не национальности, а этнические округа, на которые было поделено Римское государство до разделения его при Диоклетиане на провинции, а главное обязательный императивный смысл 34-го Апостольского правила касается не такого или иного разграничения церковных областей, существование которого правило лишь констатирует, а взаимоотношения епископов внутри этих областей. Что 34-е Апостольское правило вовсе не считает обязательным деление церкви по народностям, это видно как из сокращенного текста правила в Синописе Стефана Эфесского (Афин. Синт., II, 47), помещенного и в нашей Кормчей книге (гл. 1, изд. 1816 г., л. 6), так и из распространенного текста правила в 9 правиле Антиохийского Собора (Аф. Синт., III, 141) и, наконец, из толкований 34 Апостольского правила у всех трех канонических комментаторов — Аристина, Зонры и Вальсамона (Афин. Синт., II, 45—47): ни в одном из этих источников нет ни малейшего намека на таковую обязанность. Каноны (II Всел. Соб., 2; IV, 28) говорят о подчинении той же церковной власти и «иноплеменников». Специально вопрос о значении этнического начала в церкви рассматривался по поводу болгарской схизмы на Константинопольском Соборе в 1872 г., осудившем «этнофилетизм», т. е. принцип обязательно разграничения церкви по этническому началу. История свидетельствует, что в состав одной автокефальной церкви часто входили многие народности. Поэтому прав был Московский Митрополит Филарет, когда писал: «Одна церковь может быть в нескольких национальностях» (Собрание мнений и отзывов, V, 2, 694).

2) Имеет значение одного из мотивов в пользу автокефалии и воля государственной власти. Мы уже видели, что сама государственная власть не имеет права провозглашать автокефалию, но она может просить об этом власть кириархальной церкви.

Удельный вес этой просьбы зависит от характера отношений между церковью и государством. При господствовавшей в старое время системе «симфонии» между церковью и государством в Византии и в православных славянских странах, при обязательной принадлежности к Церкви главы государства, государь являлся как бы представителем православного народа и мог добиваться автокефалии от его имени. И мы, действительно, видим, что в Сербии, в Болгарии, в России в вопросе об автокефалии государственной власти принадлежала не только инициатива, но и главная действующая роль. Между тем, при системе отделения церкви от государства, строго говоря, вопрос об автокефалии не должен касаться государственной власти и может касаться ее лишь постольку, поскольку кириархальная церковь в своих отношениях к Церкви-Дочери может подчиняться влиянию власти другого государства.

3) Наконец, имеет значение мотива в пользу автокефалии и территориальная отдаленность известной части церкви, затрудняющая управление ею из центра церкви кириархальной. О значении отдаленности при распределении церковных областей говорят, например, каноны Карфагенского Собора: «аще же случится быти единому месту, то да предоставит-ся тому, к которому в большей близости окажется» (Пр. 132).

Наоборот, заглавие греческого текста 24 правила Карфагенского Собора (Афин. Синт., III, 351) говорит, что всякое место, далеко отстоящее от другого, должно иметь своего Митрополита. Тоже повторяет и Пидальсн (изд. 5, Афины, 1908, стр. 458), добавляя, что это правило имеет

значение для всей Вселенской Церкви. А самое 24 правило говорит, что Мавритания Ситифенская была выделена из состава Нумидийской Церкви получила своего первенствующего Епископа «по ее отдаленности». Так называемые арабские каноны Никейского Собора (6,37 и 43) свидетельствуют, что Кипрская Церковь пользовалась автокефалией вследствие неудобства сообщения с островом, особенно в зимнее время. Русский великий князь Василий Васильевич, добываясь автокефалии Русской Церкви, особенно настойчиво указывал на трудности сношения с Константинополем.

Конечно, новейшие способы сообщения сильно уменьшают значение этого мотива. Там, где требовалось несколько месяцев пути, теперь достаточно нескольких часов.

II.

При решении вопроса о даровании автокефалии некоей своей части кириархальная церковь, помимо указанных трех мотивов, должна принять во внимание способность отделяемой своей части к самостоятельной жизни, другими словами наличность устройства, отвечающего самой сущности автокефалии. Нужно заметить, что об этой сущности иногда не имеют ясного понятия не только церковные историки, но и канонисты, смешивая автокефалию с автономией.

Между тем как каноны, так и их авторитетные комментаторы дают вполне ясное и точное понятие о сущности автокефалии и сообразно с этим устанавливают определенные условия устройства автокефальной церкви.

Подобно тому, как крещение имеет в Церкви значение, аналогичное значению рождения в гражданском праве, т. е. служит источником церковной правоспособности, епископская хиротония подобна рождению в семье государя в государстве с наследственной монархией, и получаемое таким путем апостольское преемство есть своего рода династия, есть непрерывная цепь, первым звеном которой являются сами Апостолы и которая является единственным источником всех видов церковной власти. Понятно поэтому, почему каноны считают избрание епископа самым важным актом, «коронацией» церковного управления, по выражению Вальсамона (Афин. Синт., III, 352—353) и Матфея Властаря (Синт. Е, 11; Афин. Синт., V, 254) и для этого акта не довольствуются даже авторитетом Собора, а требуют непременно участия в нем посредством грамот и отсутствующих епископов (I Всел. Соб., Прав. 4).

Так как апостольское преемство является единственным источником освящения, единства и власти в церкви, то автокефальной, независимой от других церквей может быть или стать только та церковь, которая имеет или получит свой самостоятельный источник власти, свое апостольское преемство, другими словами только та церковь, первый епископ и остальные епископы которой избираются и поставляются своими же епископами, а не епископами какой-либо другой церкви.

В этом и только в этом канонические памятники видят сущность автокефалии.

Когда III Вселенский Собор защищает автокефалию Кипрской Церкви, он не упоминает ни о каких других правах ее, кроме права ее епископов получать хиротонию от своих епископов, и в этом же видит сущность автокефалии и всех других церквей:

«Начальствующие во святых Кипрских церквах да имеют свободу, без притязания к ним, и без стеснения их, сами собою совершать постановление благоговейнейших епископов. То же да соблюдается и в иных областях (диоцезах) и повсюду в епархиях (митрополиях). (Прав. 8).

Точно также и VI Вселенский Собор, защищая автокефалию той же Кипрской Церкви, вынужденной переселиться на территорию Церкви Константинопольской, как на главный признак ее независимости указывает на то, что ее председатель должен рукополагаться своими епископами, а он должен рукополагать не только своих епископов, но и включенного Собором в его юрисдикцию епископа Кизика:

«Мы постановляем, да учреждаемый в оном (Новом Юстианополе) боголюбезнейший епископ будет поставляем от своих епископов по древнему обычаю... от которого, когда потребно будет, и самого Кизика града епископ да поставляется» (Прав. 39).

Наоборот, 28 правило IV Вселенского Собора, лишая автокефалии три диоцезальные церкви, но оставляя им полную автономию, не упоминает ни о каком другом ограничении их прав, кроме лишения их митрополитов и епископов у иноплемеников права рукополагаться своими епископами, каковое передается архиепископу Константинополя:

«Митрополиты областей (диоцезов) понтийския, асийския и фракийския и такожде епископы у иноплемеников вышеперечисленных областей да поставляются от вышереченного святейшего престола Святейшия Константинопольския Церкви... Митрополиты вышеупомянутых областей должны поставляемы быти, как речено, Константинопольским архиепископом, по учинению согласного, по обычаю, избрания, и по представлению ему оного» (Прав. 28).

И авторитетные толкователи канонов сущность автокефалии видят именно в рукоположении епископов известной церкви своими епископами:

«Обрати внимание», — советует Феодор Вальсамон, толкуя 2 правило II Вселенского Собора, — что по этому правилу все Митрополиты провинций (τῶν ἐπορχιῶν) были автокефальны и были рукополагаемы своими Соборами» (Афин. Синт., II, 171).

«Не подчинены никакому Патриарху Церкви Болгарская, Кипрская и Иверская (т. е. Грузинская), ибо архиереи этих церквей обыкновенно получают хиротонию от своих епископов», — пишет в своей Алфавитной Синтагме Матфей Властарь (Афин. Синт., VI, 258).

Таковою сущностью автокефалии определяются и основы устройства всех автокефальных церквей.

Мы уже видели, что власть в Церкви дана не отдельным Апостолам, а апостольскому сонму, и Основатель Церкви обещал Апостолам, что Он будет с ними только тогда, когда они будут в единении (Мф. 18, 20; 20, 22—27; 23, 8—12; Мрк. 9, 34, 35; 10, 42—45; I Петра 5, 2—4, и др.) и потому, высшую власть, епископскую власть в Церкви может дать не один епископ, а несколько. И уже новозаветные писания свидетельствуют, что апостольские преемники рукополагали соборно (Деян. 13, 1—3; I Тим. 4, 14; ср. Златоуст, Беседа, 13, 1 и I Тим: «не о пресвитерах говорит он здесь, а о епископах, потому что не пресвитеры рукополагали епископов»).

Каноны, признавая желательным, чтобы в поставлении епископа участвовали все (I Всел. Соб. Пр. 4) или многие (Карф. 13) епископы, или собор епископов (Ант. 23, Сардик. 6), как минимальное число епископов для избрания епископа допускают три епископа (I Всел. Соб. Пр. 4; Карф. 13), а для хиротонии 2 (Апост. 1). А так как избрание производится обычно на вдовствующую епархию, то отсюда следует, что в автокефальной церкви должно быть не менее 4 епархиальных епископов. Это же число является минимальным и для суда над епископом, т. к., хотя 12 правило Карфагенского собора 390 г. и требует наличия 12 епископов для суда над епископом, но это требование объясняется особой многочисленностью (около 700) епископов в сравнительно небольшой Карфа-

генской Церкви и имеет лишь местное значение, а более позднее и более авторитетное правило Константинопольского Собора 394 г. требует лишь, чтобы епископа судили более трех, т. е. хотя бы 4 епископа.

Поэтому с правом некоторые ученые, например, румынский историк Евсевий Попович, отрицали право на автокефалию церквей Синайской и Черногорской, имевших лишь одного епископа, а также церквей Германштадтской и Буквовинско-Далматинской, имевших по три епископа.

Необходимость для автокефальной церкви иметь не менее четырех епископов вытекает из того положения, что высшая власть церкви должна иметь соборный характер, и первый епископ является органом высшей власти не сам по себе, а как первый между равными, представитель Епископата известной церкви. Однако, и число четыре является числом лишь минимальным и не всегда обеспечивает нормальное течение церковного управления, примером чего может служить хотя бы Кипрская Церковь, имеющая четырех епископов и, однако, часто остающаяся без нужного числа епископов и вынужденная обращаться за помощью к другим церквям, фактически временно теряя, таким образом, свою самостоятельность. Поэтому для обеспечения полной самостоятельности автокефальной церкви желательно большее число епископов в ней.

Однако, говоря о самостоятельности автокефальных церквей, нельзя представлять эту самостоятельность абсолютной, нельзя забывать об особой природе Церкви и приравнивать самостоятельность автокефальных церквей к политической самостоятельности государства, ибо и поделенная на поместные церкви Вселенская Церковь остается единой, ее деление на автокефальные церкви объясняется, с одной стороны, особой природой церковного единства, а с другой, практической необходимостью — невозможностью постоянной совместной деятельности носителя верховной власти церкви — Вселенского Епископата, а отсюда потребностью в его местной организации. Отсюда следует, что всякая автокефальная церковь должна действовать не как совершенно обособленная единица, а как часть единой Вселенской Церкви, должна действовать не в свое имя, а во имя целой Вселенской Церкви, стремясь остаться в непрестанном союзе единомыслия мира и любви с нею. С другой стороны, т. к. необходимость в разделении на поместные церкви вызывается практическими требованиями, а эти требования меняются, то ни одна автокефальная церковь не может считать себя неизменным ингредиентом Церкви Вселенской, каковая остается таковой, хотя некоторые автокефальные церкви и потеряли свою автокефалию, как теряли ее, например, Церкви Иерусалимская, Афинская, Сербская, Болгарская, Грузинская или даже уклонялись в раскол или в ересь и отпали от нее, что произошло, например, с церквями Римской, Армянской и Персидской.

Границы самостоятельности автокефальных церквей в отдельных сферах церковной деятельности, в области учения, законодательства, богослужения, администрации и суда зависят от характера этих сфер.

а) В частности, в области догматического учения нет места самостоятельности автокефальной церкви. Сокровище веры предано Вселенской Церкви, и в ее сознании и переживании оно остается неизменным, и Православная Церковь чужда западного учения о догматическом развитии. Вселенская Церковь лишь формулирует это учение и усвоение этой формулировки является обязательным для всех автокефальных церквей, а их деятельность в этом отношении должна состоять лишь в сохранении и распространении учения Вселенской Церкви.

Неизменным и обязательным для автокефальных церквей является каноническое учение, поскольку оно основывается на догматическом учении об устройстве церкви. Но каноны, говорящие лишь о применении догматических начал к изменяющимся местным и временным условиям,

свободы автокефальных церквей не связывают и они могут, в границах неизменного догматического учения об устройстве церкви, сами определять своим законодательством свое устройство.

б) Свобода автокефальных церквей в области богослужения ограничена лишь связью богослужения с догматическим учением и стремлением к единообразию богослужения, касающимся как прошлого — верностью преданию церковному в этой области, так и современности — естественным сближением в этой области с другими церквями, нарушением чего является, например, самочинное введение нового стиля некоторыми церквями. В этих границах автокефальная церковь пользуется полной свободой, изготовляя для себя святое миро, канонизируя своих святых, составляя новые песнопения, определяя время богослужения и т. д.

Литургическим выражением самостоятельности и единства автокефальной церкви, согласно 15 правилу Двукратного Собора, является поминовение за богослужением имени ее первого епископа всеми епископами данной церкви.

в) Полной самостоятельностью пользуются автокефальные церкви в административной области. Каноны церковные, требуя полного единства в вопросах догматических и рассматривая несогласных с соборным догматическим определением, как лиц, стоящих вне церкви, как еретиков или раскольников, в административной области предоставляют свободу епископам, требуя, чтобы вопросы церковного управления решались по большинству голосов (I Всел. Соб., Пр. 5 и др.). В то же время каноны защищают административную самостоятельность всякой автокефальной церкви, строго запрещая епископам другой церкви «преходить за пределы своя области для рукоположения или какого-либо другого церковного распоряжения» (II Всел. Соб., Пр. 2), «для устройства церковных дел до него не принадлежащих» (Антиох. Пр. 13 и др.).

г) Наконец, полной самостоятельностью обладают автокефальные церкви в области суда, и местные соборы епископов полномочны судить и своих первоиерархов. Требование Патриарха Никона, чтобы в суде над ним приняли участие Восточные Патриархи, не имеет канонического основания.

Но церкви с минимальным числом епископов канонически могут быть вынуждены обращаться за помощью к другим церквям, если осужденный местным собором епископов епископ пожелает апеллировать к большему Собору, на что имеет право по канонам (II Всел. Соб., Пр. 6, Послан. Карф. Соб. папе Целестину и др.).

д) В сфере междущерковных отношений всякая автокефальная церковь является полноправным и равноправным субъектом междущерковного права, до некоторой степени аналогичного праву международному. О равноправности автокефальных церквей свидетельствует, например, 39 правило VI Вселенского Собора, подтверждающая равноправность архиепископа малой Кипрской Церкви с архиепископом первенствующей на Востоке столичной Церкви Константинопольской.

Существующие списки автокефальных церквей не имеют для себя догматической основы, не означают какого-либо правового преимущества церквей, стоящих выше в данном списке, и вызваны лишь технической необходимостью. Древнейший список апостольских церквей в 7 книге Апостольских Постановлений распределяет их в порядке хронологическом — по времени основания Апостолами. Между тем в списке Патриархов в 36 Пр. VI Вселенского Собора Церкви перечисляются в порядке политического значения их кафедральных городов, почему древнейшая Иерусалимская Церковь поставлена на последнем месте, а последняя, по времени получения автокефалии, Церковь Константинопольская — на втором. Список Афинской Синтагмы (V, 513—530) дополняет этот канони-

ческий список перечислением еще шести автокефальных церквей в хронологическом порядке получения ими автокефалии, почему, например, малая Синайская Церковь, самое право которой на титул автокефальной, по меньшей мере, спорно, упоминается выше Элладской Церкви, только что получившей тогда автокефалию. Русская Церковь, занимавшая когда-то последнее место (61, 70) в ряду митрополий Константинопольского Патриархата, получила пятое место в списке автокефальных церквей, непосредственно после четырех древних Восточных Патриархатов, когда сделалась автокефальной.

Так как единым носителем верховной власти Православной Церкви является Вселенский Епископат, то Вселенский Собор, как орган этого Епископата, не обязан руководиться списком автокефальных церквей, подобно тому, как не руководились им предшествующие Соборы. Инициатива созыва Вселенских Соборов никогда не принадлежала Епископу первому по рангу церкви Римской, и Римский папа лично никогда не председательствовал на Вселенском Соборе, да и второй по рангу — Епископ Константинопольский председательствовал лишь иногда. И местом Вселенских Соборов ни разу не был Рим, а два Вселенских Собора I и III были созваны в пределах диоцезальной Асийской Церкви, лишенной автокефалии IV Вселенским Собором. И будущий Вселенский Собор может быть созван во всякой автокефальной церкви, причем председательство на нем Собор может предоставить как первоиерарху местной церкви, так и старейшему по хиротонии главе другой автокефальной церкви.

Как равноправные между собою автокефальные церкви поддерживают постоянное взаимное общение чрез своих предстоятелей, тогда как взаимодействие других епископов этих церквей может иметь лишь совершенно частный характер, а в противном случае нарушает единоначалие. Это взаимодействие не должно быть только письменным, а должно быть и личным, «уста к устам», путем взаимного посещения глав церквей, их общих совещаний, путем посылки своих уполномоченных, путем восстановления древнего института апокрисиариев, этих своего рода постоянных церковных послов, путем устройства подворий и т. д.

И, конечно, одинаковое право или, вернее, одинаковый долг поддерживать такое взаимодействие имеют все Православные Церкви.

Памятники церковного права говорят, что, помимо обычной церковной автокефалии, существует автокефалия и ограниченная, неполная. О неполной *„ὁὐκ ἀόκλητος“* автокефалии, пишет, например, Константинопольский Патриарх Каллист, усваивая ее Болгарскому Терновскому Патриарху в своем послании 1355 г. (Миклошич и Мюллер (Acta Patr. Const. I, 438). В том же веке (1346—1375) Константинопольские Патриархи наложили отлучение на Сербскую Церковь за то, что она превратила дарованную ей при св. Савве ограниченную автокефалию в полную (там же, стр. 553—555; 560—564). Неполную автокефалию дала Константинопольская Церковь Церкви Сербской в 1879 г. и Церкви Польской в 1924 г. Ограничения автокефалии имеют и литургический, и административный, и финансовый, и междущерковный характер. Литургические ограничения состоят, например, в обязательстве Церкви-Дочери почитать имя предстоятеля Церкви-Матери и брать от нее миро, административные — в подчинении суду Церкви-Матери первоиерарха Церкви-Дочери, в праве Церкви-Матери посылать в пределах Церкви-Дочери своих уполномоченных для надзора; финансовые — в обязательстве посылать известную сумму на расходы Церкви-Матери, в международном отношении — лишение права Церкви-Дочери непосредственно сноситься с другими церквями.

Нужно сказать, однако, что понятие «неполной автокефалии» не находит для себя никакой опоры в канонах, и, наоборот, совершенно исклю-

чается каноническим учением о равноправности автокефальных церквей. Это понятие является изобретением константинопольских церковных политиков, стремящихся удержать, хотя бы некоторую власть над отделющимися от Константинопольской Церкви частями и обеспечить получение материальной помощи от них. Получив путем апостольского преемства апостольскую власть, каждая автокефальная церковь равноправна с остальными и всякое навязанное ей ограничение этих прав есть нарушение канонического запрещения вмешательства одной церкви в дела другой без приглашения последней.

Этим автокефалия отличается от автономии. Автономная церковь не имеет своего самостоятельного источника власти, ибо ее первый епископ или все ее епископы посвящаются епископами кириархальной церкви, но имеет право на самоуправление в границах, определенных ей церковью кириархальной, каковые могут быть различны, и потому автономия имеет свои степени — она может быть и полной, может быть и более или менее ограниченной.

Термин автономия составлен из двух греческих слов — „авто“, — сам и „номос“ — закон и означает несамостоятельную, подчиненную другой организации организацию, но имеющую свои правила. Однако, основной закон относительно автономной организации, определяющий границы ее компетенции, издает не она сама, а центральная законодательная власть и автономная организация в этих границах управляется самостоятельно, не подчиняясь распоряжениям центральной административной власти и издавая для себя правила, называемые статутами, другими словами пользуясь статутарным правом, разумеется, олять таки, в границах основного положения о своем устройстве. Тогда как автокефальной может быть только церковь, имеющая известное число епископов, автономной может быть и церковь и епархия и церковная община и даже монастырь, пользующийся, так называемым, ктиторским правом. Много автономных церквей существовало и в древней Церкви, особенно, когда происходил процесс объединения автокефальных провинциальных церквей в более крупные организации — в диоцезальные церкви, а затем и в патриархаты. Процесс этот совершался таким образом, что провинциальные епископы, участвуя на диоцезальных соборах и подчиняясь их постановлениям по важнейшим делам, становились в положение епископов автономных церквей, а затем, когда диоцезальные и патриаршие соборы заменили соборы провинциальные, и митрополиты провинциальных церквей превратились в обычных епархиальных епископов, носящих лишь титул Митрополита. Канонические комментаторы XII века говорят, что в их время провинциальные соборы вообще не собирались. Существовали и существуют автономные церкви и в новое время, причем права автономии обычно получали церкви, находящиеся на территории, политически обособленной от территории кириархальной церкви. Например, автономной была Русская Церковь со времени своего основания и до получения сначала фактической (1448 г.), а потом и канонической автокефалии. Автономной была и Сербская Церковь (1834—1879), когда Сербия была вассальным государством Турции. Когда Австрия оккупировала Боснию и Герцеговину, она заключила с Константинопольской Патриархией конкордат относительно автономии Босне-Герцеговинской Церкви (1880—1920 гг.). На положении автономной церкви была и Грузинская Церковь в составе Церкви Русской, имея особое управление. Московский Собор (1917—1818 гг.) дал автономию Грузинской Церкви и Русской Церкви на Украине, Патриарх Тихон дал автономию церкви в Финляндии, в Эстонии, в Лифляндии, в Литве и в Польше. В последнее время дана автономия Русской Церкви в Америке. Константинопольская Церковь

в 1890 г. дала автономии церкви на острове Крите, когда Крит был оккупирован Англией.

Обычно пользуются более широкими правами самоуправления и имеют особые уставы, т. е. являются автономными, епархии, находящиеся вне границ того государства, где находится центральное управление известной автокефальной церкви. Например, в Сербской Церкви автономными епархиями являются Будимская епархия в Венгрии и Американская епархия в Северной Америке. Автономными правами пользовались и некоторые церковные общины, например, в Триесте, в Перое и др. В старое время имели автономию и многие монастыри, основанные по так называемому ктиторскому праву, причем основатель монастыря — ктитор мог дать монастырю свой устав, или типик, определяющий его устройство, имущественные права; такие монастыри пользовались почти полной независимостью от епископской власти. На Афоне ктиторские монастыри были почти независимы от центрального управления Афона в Карее. Например, такой независимостью пользовался сербский монастырь Хилендарь, согласно его типуку, составленному ктитором монастыря св. Саввой Сербским.

III

Выясненное понятие о канонической автокефалии дает возможность сделать каноническую оценку истории получения автокефалии Русской Церковью.

Прежде всего нужно признать совершенно ошибочным предположение нашего авторитетного церковного историка Е. Е. Голубинского (История Русской Церкви, т. I, изд. 2, стр. 257—259), будто Русская Церковь имела автокефалию в первое время своего существования. Как мы видели, сущность автокефалии состоит в праве известной церкви поставлять епископов своими епископами. Но Русская Церковь не могла иметь этого права уже потому, что она при своем основании своих епископов не имела, и сам же Е. Е. Голубинский признает, что «обычный способ поставления русских Митрополитов был тот, что они не только посвящались, но и избирались Патриархами Константинопольскими» (стр. 289). Е. Е. Голубинский приводит лишь одно единственное доказательство существования автокефалии Русской Церкви еще при св. Владимире — это иногда встречающееся наименование двух первых русских митрополитов архиепископами. Действительно, в IV—VIII вв. титул архиепископа означал иерарха, имевшего высшую власть, чем власть митрополита, и обычно прилагался к главам автокефальных церквей. Но, ведь, Русская Церковь была основана в конце X века, а уже в первой половине этого века титул архиепископа, по свидетельству, например, Константина Багрянородного («О церемониях Византийского двора», Бонское изд., стр. 531, строка 1), стал означать иерарха низшего ранга сравнительно с митрополитом. И в Русской Церкви титул митрополита всегда имел такое значение. Кормчая Книга в статье: «Четвертое Русию во Христа уверение, о Владимиром и всея Руси соборном крещении» (изд. 1816 г., л. 5 об. — 6) говорит:

«М и х а й л а... в Киеве Митрополит бысть, а в Новград архиепископа и во иные грады епископы посаждаше... егда же Михаил Митрополит отыде к Богу, и по нем прочие митрополиты хиротонисахуся от Константинопольского Патриарха. Архиепископы и епископы поставляются своим руссийским митрополитом».

И действительно Новгородский архиепископ всегда был подчинен Русскому Митрополиту, и самый титул архиепископа он получил от Киевского Митрополита Иоанна IV в 1165 г.

Таким образом, наименование русских митрополитов в начале существования Русской Церкви архиепископами скорее указывает на их большую зависимость от Константинополя, чем зависимость их преемников, что было вполне естественно для вновь основанной Церкви.

Что касается именования первых предстоятелей Русской Церкви двумя титулами — митрополитами и архиепископами, оно объясняется тем, что, вероятно, в новую церковь посылались титулярные архиепископы, коих было в Византии около 50, и потому в России их именовали то по чину архиепископа, полученному еще в Византии, то по должности митрополита, которую они имели в Русской Церкви.

Таким образом, можно говорить лишь об автономии Русской Церкви в первые годы ее существования, а никак не об автокефалии.

Хотя Русская Церковь и не была вначале автокефальной, однако все условия для получения таковой она имела.

Прежде всего, число ее епископов далеко превышало минимальное число, требуемое канонами для церковной самостоятельности.

В этническом отношении она принадлежала к другой народности, чем ее кириархальная Церковь, и различие языка, по признанию самих греческих иерархов, постоянно служило препятствием к успеху их пастырской деятельности.

В политическом отношении Русская Церковь находилась в пределах другого, вполне независимого от Византии великого государства.

В территориальном отношении она находилась в великой отдаленности от центральной власти своей кириархальной церкви, и сношения с нею соединены были с великой потерей времени, с громадными трудностями и опасностями.

И тем не менее Русская Церковь в течение более 450 лет терпела свое зависимое положение и за все это время ни разу не ставила принципиально вопроса о постоянной автокефалии. Предположение некоторых историков, что посвящение Митрополитов Илариона в 1051 г. и Климента Смолятича в 1147 г. были попытками установить постоянную автокефалию Русской Церкви, не подтверждается никакими документами, и такое толкование их с полной убедительностью опровергнуто тем же нашим авторитетным историком Е. Е. Голубинским («История Русской Церкви», т. I, стр. 298—300; 302—317), который о первом постановлении пишет, что «оно должно быть понимаемо, как отдельный исключительный случай, не долженствующий иметь никаких дальнейших последствий» (стр. 299—300), о втором, что «князь, убедив русских епископов один раз самим поставить митрополита, не имел намерения навсегда ввести новый порядок избрания митрополита» (стр. 303) и что история с Климентом «на деле, во всяком случае, имела смысл единичного поступка» (стр. 311, ср. 315), а уверение Татищева, будто великий князь Ростислав сказал послу Патриарха, что «ежели Патриарх, без ведома и определения нашего, противно правил святых Апостол [каких именно?—С. Т.] на Русь митрополита поставит, не только не приму, но и закон сделаем вечный избирать и поставлять епископа русского с повеления великого князя», Е. Е. Голубинский с полным правом называет «невозможной бессмыслицей» (стр. 314) и считает это одной из обычных для этого старого историка выдумок.

Чем же объяснить такую чрезмерную скромность русских князей в этом отношении?

Конечно, главной причиной здесь была хорошо понимаемая мудрыми князьями великая польза для Русской Церкви, проистекавшая от того, что в удельный период главы Русской Церкви ставились независимой внешней властью, так как в противном случае Русская Церковь была бы вовлечена в ту почти постоянную и страшную смуту, в которой находи-

лось Русское государство при удельной системе. Но, кроме того, здесь имело большое значение преклонение русских правителей пред святыми канонами.

Доходы, получаемые Константинопольской Патриархией от ее самой обширной и богатой Русской митрополии, играли громадную роль в бюджете Патриархии и, конечно, она не примирилась бы с отделением от нее столь «лакомого куска», по выражению Голубинского (стр. 325). И если даже исключительный случай поставления Климента Смолятича вызвал довольно продолжительный раскол с Константинопольскою Церковью (1147—1153), то, конечно, установление избрания и посвящения митрополита своими епископами, как постоянного порядка, т. е. самочинное провозглашение автокефалии Русской Церковью, говорим самочинное, ибо дозволения на него Константинопольская Церковь не дала бы, поставило бы Русскую Церковь в положение раскольничьей, на что благочестивые русские люди, конечно, не пошли бы.

Ведь даже исключительное поставление Климента Смолятича своими епископами вызвало протесты как со стороны части епископата, так и со стороны русских князей.

Только поставление Митрополита Ионы русскими епископами в 1448 г. было введением нового постоянного порядка, было началом автокефалии Русской Церкви, но с точки зрения канонической акривии (точности) это поставление вызывало некоторые сомнения.

Несомненно, представлявший православный русский народ великий князь Василий Васильевич употребил все усилия, чтобы получить согласие Церкви-Матери на поставление главы Русской Церкви своими епископами, о чем свидетельствуют дошедшие до нас его грамоты, адресованные и Константинопольскому Патриарху и византийскому императору. Но у нас нет никаких данных утверждать, что это согласие было получено, и что поставление Митрополита Ионы предварительно получило каноническую санкцию со стороны Церкви-Матери.

Но мы уже видели, что при некоторых обстоятельствах автономные церкви могут стать фактически автокефальными, т. е. поставлять своего Первосвященителя и без разрешения Церкви-Матери, не нарушая при том канонов, а именно мы видели, что 15 правило Двукратного Собора даже предписывает отделяться от предстоятеля, когда он проповедует ересь всенародно и учит оной открыто в церкви, и на таковых не только «не налагает подобающей епитимии», но и считает их «достойными чести, подобающей православным».

В таком именно положении оказалась Русская Церковь, когда предстоятель ее Церкви-Матери заключил унию с Римом и послал в Россию деятельного агента унии — Митрополита Исидора. Не имея возможности получить от впадшей в римскую ересь церкви православного митрополита и, говоря словами Двукратного Собора, «тихась охранити церковь от расколов и разделений», Русская Церковь должна была поставить Митрополита своими епископами и таким путем получить фактическую временную автокефалию, что она и сделала в 1448 г. Как это было сделано, об этом говорят другие статьи, помещенные в этом журнале, а наша задача указать лишь на величайшую корректность и щепетильность, на строжайшее соблюдение канонов, проявленное Русскою Церковью в вопросе об учреждении в ней автокефалии. На эту корректность указывает и наша Кормчая Книга в уже упомянутой статье «Четвертое Русиево во Христа уверение», где читаем:

«Егда турскому царю восточною церковью и четырьмя вселенскими патриархи, увы грех ради наших, до конца овладевшую и поставления ради в царствующий град ходити не возмогша и того ради единою посланием с четырьмя патриархи согласившеся, и по согласию прияха и руссий,

сти митрополиты от Палестинских патриарх власть, еже не к тому поставления ради приходит роусским митрополитом в Константиноград, но своими епископы избрание митрополие творити, и поставлятися».

Таким образом, согласно этому сказанию, временная фактическая автокефалия уже вследствие политических событий—завоевания всего Православного Востока турками — превратилась в постоянную, а Русская Церковь употребила все нужные меры, чтобы получить и согласие не только Константинопольского Патриарха, но и остальных патриархов на эту постоянную автокефалию. Сказание упоминает о переписке со всеми четырьмя Восточными Патриархами по этому вопросу, результатом которой было получение через посредство палестинских, т. е. Иерусалимских Патриархов разрешения на постоянное посвящение Русского Митрополита своими епископами, т. е. на постоянную автокефалию.

Нужно признать, что помещенное в начале Кормчей Книги в ее Никонском и Синодальных изданиях «Сказание известно» (гл. 1—18), частью которого является и упомянутое Сказание о «Четвертом Русиев во Христа уверении», точностью не отличается и сообщаемые в Сказании сведения о переписке патриархов и даровании постоянной автокефалии нельзя подтвердить документально, так как таких документов пока не найдено, но, с другой стороны, нельзя утверждать, что приведенное сообщение Кормчей измышленно, а скорее нужно считать его в основном соответствующим истине. Если бы Русская Церковь самочинно учредила свою автокефалию и удовлетворялась бы этим, несомненно такой ее образ действий вызвал бы ее отлучение со стороны Константинопольского Патриарха и прекращение общения с ней всего Православного Востока. И некоторые наши историки действительно доказывают, что есть косвенные указания на недовольство Константинопольской Церкви новым порядком поставления Митрополитов в Москве, и что даже дело доходило до отлучения великого князя¹, но если это и было так, во всяком случае, это мог быть лишь временный и даже кратковременный эпизод, и несомненно, что Русская Церковь и при новом порядке вскоре восстановила общение с Церковью Константинопольской и со всем Православным Востоком.

Проф. С. Троицкий.

¹ См. П. Николаевский, Учреждение патриаршества в России, Петербург, 1880; А. С. Павлов, Теория восточного папизма в новейшей русской литературе канонического права, „Православное Обозрение“, 1879, декабрь; М. А. Дьяконов, К истории древне-русских церковногосударственных отношений, „Историческое Обозрение“, 1891, т. III, стр. 85—92; Н. С. Суворов, Курс церковного права, I, стр. 136 и примечание 30; А. Я. Шпаков, Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве от Флорентинской унии до учреждения патриаршества. Княжение Василия Васильевича Темного, ч. I, Киев, 1904, стр. 221—251.

НА КЛАДБИЩЕ

Выходя из храма, многие богомольцы расходятся по нешироким дорожкам, идущим в разных направлениях тенистого кладбища.

Над могилами и крестами зеленым шатром разрослась листва, через которую лишь местами видим темно-голубые просветы яркого летнего неба.

В одиночку и по несколько человек останавливаются над родной могилой, крестятся, некоторые становятся на колени, и, обнимая холмик, целуют его, словно стремясь передать свои чувства тому, чьи дорогие черты скрыты под землей; затем обращают взоры к небу, ища там ответа и успокоения тоскующему сердцу.

Издали доносится панихидное пение, то приближающееся, то опять отдаляющееся по мере того, как совершающий панихиду переходит от одной могилы к другой.

У надгробия, в мрамор которого вделан мозаичный образ Спасителя, останавливается небольшая группа женщин: они с видимой любовью и теплом молятся здесь. Из нескольких сказанных ими слов можно понять, что они часто приходят сюда, чтобы помолиться перед этой иконой, как бы совершая паломничество.

Непосредственное горячее чувство веры и упования, объявшее души их, отражается и на лицах и во взорах женщин, удаляющихся неспешным шагом.

В раздумье, побродив среди могил, где погребены не только старые и немощные, но и молодые и юные, — незаметно расходятся люди...

Почти уже никого не осталось за церковной оградой, только, как верные стражи, стоят неподвижно кресты и надгробные камни.

Невольно встает вопрос о конечной цели земной жизни. Как сильна, как упорна в человеке жажда жизни.

Мне пришлось быть около умирающей, которая, тяжело страдая от болезни, приковавшей ее к постели на три с лишком года, все же говорила, что хочет жить потому, что она видит свет Божий через окна больницы, может думать и жить мыслями.

Небытие как-то не укладывается в сознании, страшит нас; и смерть, при всей очевидности ее приближения, навсегда остается неожиданной, как-будто не должно бы ее быть — и является столько же поразительной, сколько и неизбежной.

В безмолвии кладбища печаль и томящее чувство неподвижности становятся сильнее ощутимыми.

Какая-то птица вспорхнула с ветки на ветку, потом поднялась высоко, и, покружившись над крестом кладбищенской церкви, исчезла из виду.

Набежал ветер, зашумели вершины деревьев, затем едва приметно закачали цветы и трава под холмом.

Шорох стоит непрерывный, мягкий, грустный и ласковый, в нем, кажется, слышишь шопот молитвы.

И гаснущая заря, и бледнеющие тона летнего вечера исполнены тихой грусти.

Но в грусти этой есть нечто глубокое и святое, что говорит душе о вечности. Чувствуешь, что переживания человеческого сердца: радость, жажда деятельности, любовь к жизни и самая печаль не случайное явление, но отголоски потустороннего мира, напоминающие о незаходимом Солнце и беззакатном дне.

Осененные любовью Святой Матери-Церкви, неустанно возносящей молитвы о живых и умерших, испрашивающей у Всевышнего помилования и упокоения усопших в Царстве Небесном, покоятся здесь погребенные.

Церковь, рождающая нас духовно в святом крещении, озаряющая ниспосылаемым через нее благословением Божиим земное поприще наше, сопровождающая молитвами в последний путь, не оставляет своих чад одинокими и после смерти.

И когда, оглянувшись вокруг, я вижу прямо перед собою здание церкви, — на меня веет отрадой, затихает печаль, в душу проникает умиротворение.

Вспоминаются слова: «Бог не есть Бог мертвых, но Бог живых».

Человек, зараженный грехом и потому подверженный тлению, должен вкусить смерть, чтобы, воскреснув, обновленным войти в новую жизнь.

Мысли и душа обращаются к Тому, Кто создал человека на радость, не оставил его погибать в грехах, искупив Своею Святою Кровью.

И хочется горячо помолиться, чтобы Господь не оставил нас Своим милосердием, и хочется сказать о любви слабого маленького существа к Богу Великому, знающему все глубины и тайники человеческого сердца, могущему исцелить всякую рану, утишить всякую скорбь, имеющему власть простить и успокоить тревогу души, призвать к Себе, привести к радости совершенной и непреходящей.

Н. Васильева

ВСТРЕЧА В ЧЕРКИЗОВЕ

Черкизово... Три года назад в далеком Париже взволнованной рукой заносил я в записную книжку это название, и какой же поток чувств горячих, нежных и сладостных заливал тогда истомившееся давней тоской мое сердце при одних только звуках этого старинного русского имени!...

В знойный день конца лета я шел с настоятелем черкизовского храма о. Павлом Цветковым по огромной площади. Впереди нас неторопливо двигалась высокая фигура — Митрополит Николай Крутицкий. Владыка был в простой черной рясе и черной скуфье, и только драгоценная панagia указывала посвященному на его высокий сан, — но и при всей скромности монашеского одеяния была величественна в своей представительности эта фигура. Мы прошли мимо золоченой звезды в асфальте, отмечающей рождение Парижа, его первый камень, впереди всходила к небу темная узорная громада собора Парижской Богоматери... В те дни, три года назад, я имел высокую честь и счастье неоднократно сопровождать Владыку Николая и его московских спутников по достопримечательным местам Парижа. Это была неделя самой высокой радости для десятков тысяч верующих в зарубежье, неделя воссоединения ста Западно-Европейских русских православных приходов с Матерью-Русской Церковью, — истинно Пасхальная неделя, когда в сердцах массы русских людей, силою самой страшной жизненной своей ошибки выброшенных за пределы Отечества, прибытие высокого посланника Церкви и Родины, «Вестника радости», как называли его тогда в Париже, вызвало огромный и светлый взрыв самых чистых, самых высоких чувств, спавших дотоле под гнетом безнадежности, тоски, нужды, страхов, житейских повседневных забот и лживой, злобной, темной, неустанной пропаганды врагов великой нашей Родины и ее Церкви.

В те незабываемые дни частых встреч с членами Патриаршей делегации я и познакомился с о. Павлом, — приветливым, необыкновенно привлекающим к себе, скромным и ученым московским «батюшкой». Все в нем, — его радушие, манеры, неповторимая, несравненная, живая, московская речь, столь необычная среди людей, говоривших уже на каком-то иссохшем, мертвом языке, как бы по-латыни, — все волновало тогда меня ощущением непосредственной близости к Родине, по которой больше четверти века болела беспокойная и неутомимая душа моя.

В те дни газеты Парижа много писали о невиданном событии в жизни русской колонии. Часто упоминалось и имя старого уважаемого московского протоиерея. Много зарубежных москвичей и москвичек, взволнованных и нетерпеливых, приходили узнать у земляка, — что же стало с родным городом, какова сейчас Москва, столица, что с издревле чтимыми святынями ее, соборами, церквями, — а детство каж-

дого из приходивших непременно связано было с одной из этих церквей. И удивлением и жалостью отвечал на эти вопросы московский «батюшка», когда посещал он нищие церквушки русского Парижа, справедливо называвшиеся «пещерными», ютящиеся в бараках и гаражах, чердаках и подвалах, сараях и бывших конюшнях, окруженные иноземной любопытной, падкой до зрелищ, толпой и суетливым шумом огромного чужого города, — жалостью и удивлением: как можно вот так, десятилетиями, жить вне Родины, бесплодно и безвольно томиться о ней, питаться далекими и уже смутными и искаженными воспоминаниями, когда сама-то она не только не ушибилась, но возросла до величия, невиданного в ее истории? И, пытаясь разговориться с русской детворой, уже теряющей родной язык, или слушая картавящего молодого причетника, сокрушенно качал головой коренной русский человек, москвич: «Вижу, вижу, как истощается жизнь вне Родины, — так же истощается, как и Церковь, оторванная от жизни».

С трепетом слушал и я рассказы о. Павла о Родине. Тогда была она для меня еще Обетованной Землей, к которой готов был я ползти на коленях по самым острым камням. Но вот пришло самое большое, самое светлое, несказанное чудо моей жизни, — рухнули все преграды, и я в числе многих зарубежных русских людей получил право и возможность вернуться под отчий кров после почти тридцатилетних скитаний по полям, городам и весям инородной и иноверной чужбины.

Словами некоего древнего благоговейного и благозвучнейшего акафиста хотелось мне говорить тогда — но нет, бессильно и самое выразительное человеческое слово передать то волнение, которое физически выдерживает сердце не всякого человека, переступающего священный рубеж Родины после столь долгой разлуки с нею. Как сильно, до неузнаваемости, изменился внешний и духовный ее облик, как поднялись и окрепли в народе моем, всегда великом, свойственные ему чувства соборности, самоотречения, жертвенности, справедливости, высокого внутреннего достоинства!.. А вот и Москва, — новая, юная и сильная, сохранившая древние свои святыни, но и блестящая мировая столица и светоч правды для миллионов страждущих на земле!..

...Чудесное летнее утро, солнце на карнизах старинных особняков, белые облака в бездонном синем небе, липовые аллеи, неведомым волшебством в одну ночь выросшие вдоль широчайших проспектов, детский смех и мгновенные взблески радуги над седой пылью, над сильной струей, бьющей в тротуар, — Москва! Сверкающие огнями, мрамором, фарфором, майоликой, хрусталем, подземные величественные дворцы единственного в мире метро; конечная станция Сокольники — золотые кресты в цепях и стройные купола собора в ослепительной синеве, и пышно клубящаяся зелень парка вдали: веселый бег позванивающего трамвайчика, мимо железобетонных и гранитных новых громад, столетних особнячков и кое-где сохранившихся старокупеческих лабазов, по улицам петровского Преображенского, давно включенного в пояс «большой» Москвы. Сады все чаще, улицы все шире, зелень все гуще, людской шаг все неторопливее, — город уступает место дачным просторам. Еще несколько минут, — и с пригорка широко открывается Черкизово, и новый человек не может здесь не остановиться хоть на несколько секунд в истинном восхищении: пологий мягкий спуск идет к зеркальному пруду, к деревянному горбатому мосту через него; голубая гладь воды теряется далеко влево, в клубах зелени, ровно восходит на другом берегу зеленая грядя; песчаная дорожка идет в гору, и над густыми валами, над широчайшим разливом зелени встает изумительная шатровая колоколенка и синий купол церкви. А вокруг, — сады, сады, деревянные домики с резными наличниками окон, не городские просторы света и воздуха, какое-то буйство цветов, — цветы за заборами и ча-

стоколами, в садах, в палисадниках, над аккуратными клумбами, в окнах. Мезонинчики в деревянных колонках, резные крылечки, шесты над голубятнями, старые скамьи под высокими, как эвкалипты, березами, и такая завораживающая спокойная тишина, что кажется, будто и игрушечные дома эти, и пруд, и сады, и чудесная церковка сошли с гравюры, конца прошлого века, изображающей уездный городок; и диким страшилищем показался бы здесь трамвай, — хотя совсем рядом, за липовой рощей, широко лег спортивный стадион, скрыты зеленью многоэтажные дома новой Москвы и бегут перед домами этими, шурша тяжелыми шинами по асфальту и бросая с проводов гроздь голубого света, нарядные троллейбусы, а под землей тянутся трубы саратовского газопровода, — все может позволить себе богатейшая столица, «золотая Москва»: и невиданные в Европе, рождающиеся в один год дома-дворцы на основных магистралях, и вот эту оживленную старую гравюру.

Вот «Штатный» переулочек. Большой одноэтажный деревянный дом под железной крышей, крылечко, сени, коридор, мохнатая дорожка на выскобленном полу, воздух обжитого старого гнезда. Встреча наша горяча, радостна. О. Павел ведет меня в прохладу комнат, и, сидя в старых креслах просторного кабинета, мы вспоминаем наше знакомство, далекий Париж, самодельную утварь наших русских церквей и холодную учтивость чужой земли. Потом хозяин рассказывает мне историю Черкизова. Я рассматриваю старинные карты местности, — из полстолетия в полстолетие неизменно отмечающие храм, построенный на горе еще в четырнадцатом веке, — и гравюру шестидесятих годов прошлого столетия, где виден густой бор, речка Сосенка, превратившаяся сейчас в этот зеркальный пруд, церковь и несколько низеньких домиков вокруг нее, — тогдашнюю подмосковную деревушку Черкизово.

После чая о. Павел с любовной гордостью хозяина показывает мне свой сад, кусты малины и крыжовника вдоль забора и широкие гряды огорода, который возделывает он сам. Под широчайшей липой, которую так и хочется назвать «дубом Мамврийским», вкопаны скамьи вокруг стола, на котором в праздничный день шумно встречает гостей самовар. В летней застекленной веранде стоит небольшой токарный станок, — здесь работают сын о. Павла, молодой инженер, и жена его, еще студентка того же института, который недавно окончил и он.

— Ах, милые мои механики, — тихо улыбается о. Павел. — Вот строят новую жизнь, — хорошую, добрую, радостную. Их молодость лучше, светлее, шире нашей.

Мы выходим на улицу, в тень широких лип, и, решительно, все встречные, — старики, женщины, молодежь, кланяются уважаемому своему «батюшке».

— Как идет время! — медленно говорит о. Павел. — Кажется, и сам, еще совсем недавно, впервые шел по этим улицам, а уже сколько стариков похоронил за тридцать без малого лет, что живу здесь! Молодые заняли место стариков, дети стали взрослыми, и шумно поднимается новая поросль. Чудесная, воспитанная, приветливая детвора у нас, в Черкизове. Даже вишенника моего не трогают, — смеется о. Павел. — А мне на их месте очень трудно было бы справиться с таким соблазном, — хорошие у меня вишни.

Небольшое кладбище, в кустах сирени и белостволых берез, тесно окружает церковь чугунными и деревянными оградами, крестами, мрамором памятников, заросшими теплым мхом столетними плитами. Золотые солнечные потоки струятся через стрельчатые окна купола; внизу, в светлом полумраке, блестят иконные оклады, старинные кованые свечники, резные золоченые хоругви. Благоговейно прохожу я мимо древних чтимых икон Иерусалимской Божией Матери, Трех Святите-

лей, Покрова, Свят. Алексия, сопровождавших в 16 и 17 веках царскую ставку в боевых походах. На четырехъярусном, сплошной резьбы, золоченом, византийски-пышном иконостасе XV века восхищает глаз и сердце дивная роспись «Двенадцати Праздников».

Я долго стою в левом приделе храма, перед фресками стен и сводов, упоенно любуюсь прозрачной легкостью красок, классическими строгими линиями, уставными ликами святых и изумительным мастерством, с которым переданы бархат, шелк и парча одежд.

Это большое украшение церкви и некоторая наша гордость, — говорит о. Павел. — Несколько лет назад крыша над приделом дала течь и стала портиться старая стенная роспись. Было тогда не до ремонта, враг стоял под Москвой, были сирены, рабочие руки были на фронте и на военных заводах. Только два года назад удалось приступить к реставрации, и вот тут нам посчастливилось, — мы нашли целую семью замечательных мастеров, палешан, потомков знаменитого церковного живописца Блохина.

О. Павел ведет меня в ризницу и показывает мне драгоценные митры и облачения золотой и серебряной парчи на белом, пурпурном, голубом, палевом, зеленом, синем бархате.

— У нас богатая церковь, — удовлетворенно замечает о. Павел. — Может облачить больше двадцати гостей — священнослужителей.

Бережно касаюсь я тяжелых чеканных сосудов изумительной отделки и новенького резного кадила для архиерейских служений, вышедших уже из советской мастерской церковной утвари и по тонкости работы не уступающих лучшим образцам старины. Потом радушный хозяин показывает мне особую ценность церкви, и я надолго склоняюсь над «молебным» Евангелием, тщательно хранимым и в богослужениях не участвующим. Оно вышло из печати тогда, когда у «тишайшего» боголюбивого царя Алексея Михайловича еще не родился сын Петр, — в 1668 году. Священник А. Веригин, настоятель храма в начале прошлого века, старинным кудреватым почерком на задней стенке переплета почтительно замечает, что через шестьдесят лет священной книге будет два столетия. А вот уже давно минуло и два с половиной, а она все еще волнует сердце любителя церковной старины вязью славянского текста, разнообразным орнаментом страниц, искуснейшими заставками, бессмертным пергаментом своих листов, резными застежками, небесно-голубой эмалью, бисерно-мелкими насечками, чернью и золотом украшений на тяжелых досках переплета.

Мы выходим из церкви. Длинные тени берез легли по обрыву, под низким солнцем алеет песчаный берег. Я прощаюсь с о. Павлом, с его приветливой улыбкой и добрыми глазами на таком русском, милом, родном лице. Вечер тих, мягка прибрежная тропинка, по зеркальной воде тихо идет лодка, и темная фигура рыбака и косо поднятая удочка безупречно повторяются в недвижном светлом серебре. От густой зелени из-за заборов сильно, сладко и нежно пахнет жасмином, и вдруг где-то, в темнеющих валах недалекой роши рождается и широко раскатывается, охватывает зеркальный пруд и окрестность, торжествующе звенит, переливается, рассыпается в хрустальной чистоте соловьиная трель.

И опять, как уже несколько раз за эти полтора года, все кажется мне удивительным, затянувшимся, волшебным сном. Вот-вот кончится он, и опять, — холод и могильный мрак чужбины!.. Я думаю о чуде моего второго рождения, о несказанной красоте, открывшейся в людях и природе ослепленным очам и потрясенному сердцу моему, о только что отгремевшей величайшей войне, о страшной скорби и несказанных муках, стойко и гордо перенесенных страной, о скромном деревенском «батюшке», молчаливо всходившем на скамью виселицы и широко,

в последний раз благословлявшем родные поля и закованный в цепи свой народ, — и о неслыханной в мире победе; о воскресших подвигах благоверного князя Александра и иноков Пересвета и Осляби и о свете невиданной славы, осенившей родную Церковь. Идет дальше взволнованная мысль моя, я чувствую, что сила Русской Церкви именно в том, что она не отходит от народа, разделяет его судьбу, все тревоги и радости его жизни, вне которой самые высокие помыслы, самые благородные побуждения подлинно «истощаются», становятся сухой отвлеченностью... Щедро, высока, исполнена необъятной любви, чистым дыханием своим восходит к горным пределам душа народа нашего, — какое неоплатимое счастье родиться в твоих пределах, Россия моя, дивная моя Родина!..

Р. Днепров

ИЗ ЖИЗНИ РУССКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Из Средне-Европейского Экзархата

ОСВЯЩЕНИЕ КОЛОКОЛА В ВЕНСКОМ СОБОРЕ

5 (18) апреля в соборе Святителя и чудотворца Николая в г. Вене (Австрия) состоялось торжество освящения и поднятия нового колокола. Новый колокол является знаменательным памятником пребывания в Вене доблестной Советской Армии: он отлит из кусков меди, явившихся военной добычей после тяжелых боев за освобождение Вены и дарованных ее командованием русскому храму для отлития из них колокола. Надпись на колоколе гласит: «Сей колокол, дар победоносной русской армии собору Святителя Николая, сооружен при Святейшем Патриархе Московском и всея Руси Алексии, при архиепископе Венском Сергии. Г. Вена 1945—47».

Отлитие колокола и его поднятие были доведены до конца благодаря средствам, отпущенным Московской Патриархией на ремонт Свято-Николаевского собора. Этот величественный храм, являющийся украшением города, построен еще в конце прошлого века по проекту архитектора Котова. Во время военных действий в 1945 г. храм сильно пострадал. Почти тотчас по освобождении города, было приступлено к восстановлению собора. В дальнейшем оказала поддержку Патриархия, и теперь, хотя ремонт еще далеко не закончен, оба храма, верхний и нижний, приведены в полный порядок, и в них совершается богослужение.

На колокольне собора уже раньше имелось 9 колоколов, но новоосвященный колокол, который весит 1200 кг, является самым могучим из них.

Торжество освящения состоялось после торжественной Литургии, совершенной Высокопреосвященным архиепископом Сергием, Патриаршим Экзархом в Средней Европе, в сослужении соборного духовенства. На освящении к ним присоединились настоятели братских православных церквей в Вене: Греческой, Сербской и Румынской. В качестве духовных гостей на торжестве присутствовали: находившийся проездом в Вене епископ голландской либерально-католической церкви д-р Вреде, епископ австрийской старо-католической церкви д-р Торок и его викарий д-р Бернауер, священник венской высокоцерковной экуменической общины д-р Штенгер, и другие духовные лица старо-католической и протестантской церкви. Прислали свои приветствия Министр Народного просвещения и бургомистр г. Вены, не могшие прибыть лично. Православные богомольцы разных народностей и местные жители наполняли собор.

По отпущении Литургии Высокопреосвященный Сергей обратился к присутствующим со словом, в котором прежде всего указал на глубокое символическое значение освящаемого колокола, который, будучи плодом военных побед, явится ныне благовестником мира, созывая своим благовестом верующих на молитву «о мире всего мира». Далее Владыка отметил, что этот колокол является вещественным памятником тех забот и

внимания, которые неизменно проявляются по отношению к нашему храму. Он указал и на то, что сооружение колокола было облегчено милостивой поддержкой Святейшего Патриарха. Им была оглашена телеграмма, полученная от Святейшего Патриарха, которая гласит: «Молитвенно мысленно участвую с Вашим Преосвященством и Вашей паствой в радостном торжестве в нашем венском православном храме. Приветствую всех собравшихся, благодарю за молитвы. Всем благословение Божие». В заключение Владыка указал на знаменательное совпадение даты настоящего торжества с датой освящения самого собора — 49 лет тому назад.

По окончании слова Владыка Экзарх, предшествуемый крестным ходом и духовенством, вышел из храма к месту, где был приготовлен к поднятию новый колокол. На аналое перед колоколом была положена икона Святителя Николая — благословение Святейшего Патриарха Венскому собору — и перед ней был совершен торжественный чин «освящения campana». По окроплении колокола святой водой Владыка благословил его этой иконой со словами: «Сей священной иконой Святителя Николая — даром Великого Господина и Отца нашего Святейшего Патриарха Алексия, яко ему самому zde присутствующему, благословляется поднятие сего колокола во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь». Загудел сигнал и колокол начал медленно подниматься при трезвоне старых колоколов и пении псалма 69: «Боже, в помощь мою вонми...».

Поднятие и водружение на колокольне нового мощного колокола было произведено одной опытной венской строительной фирмой под надзором неустомимого соборного старосты Л. Г. Чередниченко. Оно продолжалось несколько часов. Вернувшись в собор к вечерне, Владыка Экзарх поднялся на колокольню и ударил впервые в новый колокол.

В тот же день за чаем у Владыки собрались почетные гости, бывшие на торжестве освящения. Были произнесены речи голландским епископом, викарием австрийского старо-католического епископа, настоятелем греческой церкви о. архимандритом Хризостомом и другими.

В речах было отмечено, что благодаря любовному и братскому духу общения, который проявляет Владыка Экзарх, настоящее торжество русского храма явилось общим праздником и послужило к единению христианских церквей.

А. А.

РУССКИЙ ХОПОВСКИЙ (бывший Леснинский) ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ В ЮГОСЛАВИИ

В Югославии всего 216 монастырей. Архитектура монастырских церквей — сербско-византийского стиля. Во внутренних украшениях храма преобладает стиль ренессанс и рококо, но есть и строго выдержанный византийский стиль.

Особую группу сербских православных монастырей представляют 15 фрушкогорских монастырей, издавна бывших центрами, вокруг которых собирался сербский народ и черпал силы своей самобытности.

Во Фрушкогории нашел себе приют и русский женский монастырь, который организовался в Югославии в 1920 г. в Кононове из числа русских монахинь бывшего Леснинского монастыря, переехавших сюда из Польши.

Надо заметить, что бывший Леснинский женский монастырь был известен в России широкой просветительной и миссионерской деятельностью обращения униатов в православную веру, и эту миссию продолжает и русский Хоповский женский монастырь.

За последние 20 лет открылось более 20 женских сербских монастырей, в которых игуменьи бывшие русские монахини из Хоповского монастыря.

Все эти новые монастыри являются членами христианского общества «Сербской Народной христианской Заедницы», которое возникло в Сербии вскоре после войны в противовес разным ересям и безверию.

В монастыре Хоповском каждого молящегося поражает строгое монастырское богослужение.

В церкви находятся несколько святынь: с северной стороны перед алтарем возвышается чудотворная икона Леснинской Божией Матери, перед которой находится маленький ковчежец с частицами святых мощей преподобного Афанасия Брестского, великого русского патриота, исповедника православия, жившего в XVII веке.

С южной стороны перед алтарем находится рака со святыми мощами великомученика Феодора Тирона, замученного в III веке.

Монахини этого монастыря, несмотря на преклонный возраст их, несут непосильные послушания, проявляя христианскую любовь к ближнему по уходу за больными детьми, продолжая тем самым великое христианское дело бывшего Леснинского монастыря.

Наталия Шидловская

Из жизни наших епархий

Из г. Москвы

К 100-ЛЕТИЮ ВНЕСЕНИЯ ИКОНЫ БОГОМАТЕРИ «СПОРУЧНИЦЫ ГРЕШНЫХ» В НИКОЛО-ХАМОВНИЧЕСКИЙ ХРАМ г. МОСКВЫ

1848—29 мая—1948 г.

Прошел целый век, как чудотворная икона Божией Матери, именуемая, «Споручницей грешных» пребывает в храме Святителя Николая «Хамовнического», охраняя любимую нашу столицу — Москву и все необъятное и непобедимое дорогое Отечество наше.

Как много в течение этих 100 лет простекло чудесных знамений от Ее чудотворного образа, записанных, но несравненно больше не отображенных на бумаге, а бережно запечатленных и сложенных в сердцах верующих!

Самое наименование образа Богоматери — «Споручница (Поручительница) грешных» — невольно влечет верующих и убеждает в получении помощи всех, притекающих к Ее образу.

По историческим данным и по преданию, на том месте, где сейчас стоит у северного крыльца церкви каменный четырехгранный столбик с крестиком, Митрополитом Московским Алексием была построена деревянная церковь в честь Святителя Николая Чудотворца.

Академик Игорь Грабарь, говоря об истории искусства допетровской эпохи, касается и архитектуры церкви Николы в Хамовниках, бывшей в XVII веке в Москве. «Соединение коруны с кокошником, — говорит он, — дает оригинальную и «звездчатую» форму верха окон церкви Николы в Хамовниках»¹.

Исследователь истории русского зодчества М. Красовский утверждает, что в облике храма Святителя Николая в Хамовниках явно отразилось переходное состояние архитектуры последней четверти XVII столетия, колебавшейся между формами самобытными и притекавшими с Запада².

В одном из церковных журналов за 1872 г. сообщается, что в 1872 г. придел во имя Святителя Димитрия Ростовского в Николе-Хамовнической церкви переименован в честь иконы Божией Матери «Споручницы» и освящен 5 ноября Преосвященным Леонидом, епископом Дмитровским³.

¹ Игорь Грабарь. История русского искусства. Допетровская эпоха, т. II, стр. 173.

² М. Красовский, Очерк истории Московского периода древнерусского зодчества. М., 1911 г., стр. 334.

³ Журнал «Душеполезное Чтение», июль, № 7, 1872.

Изображение иконы таково: Богоматерь изображена по пояс. Левою рукою Она обнимает Младенца, который обоими руками держит правую Ее руку. На четырех углах иконы изображены лентообразные свитки со словами на верхней части слева: «Аз Споручница грешных к Моему Сыну»; справа: «Сей дал Мне за них руде слышати Мя выну»; на нижней части справа: «Да так иже радость Мне приносят»; слева: «Радоватися вечно чрез Меня испросят».

Прославление иконы Божией Матери «Споручницы грешных» впервые совершалось в Николаевском Одрине монастыре в бывшей Орловской губернии, близ г. Карачева. В таком именно изображении эта икона долгое время стояла среди других икон в ветхой часовне подле ворот за монастырем. В 1844 г. летом эта икона была взята из часовни в монастырь, промыта и поставлена на особом месте в храме.

Неизвестно, кем и когда в таком виде сделано изображение Богоматери.

В 1846 г. иеромонах Одрина монастыря Смарагд, по поручению своего начальства, прибыл в Москву для сооружения ризы на Одринскую икону Божией Матери и для сбора пожертвований на монастырь. Иеромонаха Смарагда в Москве гостеприимно принял к себе подполковник Димитрий Николаевич Бонческул, проживавший в приходе Николо-Хамовнической церкви, в доме, расположенном против алтаря в церкви. В благодарность за гостеприимство, для Д. Н. Бонческул в Одринском монастыре была снята точная копия с Одринской иконы Божией Матери «Споручницы грешных» и в июне месяце 1846 г. была подарена Д. Н. Бонческул.

Икона Божией Матери была в квартире Бонческул освящена и поставлена в домашнем иконостасе вместе с другими его иконами.

В 1848 г., в день Святой Пасхи, Бонческул заметил, что икона Божией Матери излучает особый лучезарный блеск и почувствовал, что это необычайная икона. 30 мая 1848 г. он пожертвовал эту икону в приходскую Николо-Хамовническую церковь, где она первоначально была помещена на аналое близ левого клироса. В настоящее время икона Божией Матери помещается в левом, в честь Ее, приделе, на особом каменном возвышении. Над образом сделан художественно вышитый белый балдахин,верху которого горит много разноцветных лампад. Ежедневно, по вторникам вечером, при большом стечении молящихся, бывает молебен пред иконой Богоматери с чтением канона и акафиста.

С образом Божией Матери знаменательно связана судьба настоятеля храма протоиерея П. Лепехина, которого еще младенцем мать приносила в храм и клала на каменные ступеньки у подножия иконы. С 1912 г. о. Павел всю свою пастырскую жизнь, силы и усердие отдает этому храму, не оставляя его даже в тяжелый 1942 год немецкого вторжения в нашу страну. Не бывало дня, когда бы добрый пастырь оставлял свою общину без службы и духовного утешения.

В нынешнем году юбилейные церковные торжества, по случаю 100-летия внесения иконы Богоматери «Споручницы грешных» в Николо-Хамовнический храм, начались 10 июня, в праздник Вознесения Господня. В этот день после Литургии был совершен крестный ход вокруг храма с Чудотворной иконой, празднично украшенной белыми цветами. Вечером в тот же день всенощное бдение совершил епископ Можайский Макарий с местным духовенством. После всенощной Владыка Макарий сказал слово, в котором указал на усыновление Иисусом Христом с высоты Креста Своего всего рода христианского Богоматери и на то, что Она после этого не перестает заботиться и молиться за грехи врученного Ей рода человеческого.

Всенощная окончилась около 11 часов, а в час ночи уже началась торжественная праздничная утренья с непрерывным пением канона и икосов акафиста Дивеевским напевом, по чину Похвалы Богородицы.

Тотчас после утрени, на рассвете началась ранняя обедня, а в 10 часов поздняя, которую совершал Святейший Патриарх Алексий при громадном стечении молящихся.

После поздней обедни, при молебном пении, был совершен крестный ход вокруг храма с Чудотворной иконой при участии Святейшего Патриарха, который на трех остановках по сторонам храма окроплял народ святой водой.

По окончании молебна настоятель храма о. Павел приветствовал Святейшего Патриарха сердечным словом и поднес ему художественную, в древнем стиле, копию чудотворной иконы Божией Матери «Споручницы грешных», в память служения Святейшего Патриарха в этот знаменательный день 100-летия со дня внесения иконы в этот храм.

Отвечая на приветствия настоятеля, Святейший Патриарх обратился к народу со следующими словами: «Я счастлив присутствовать здесь и помолиться с вами, при таком множестве собравшихся сюда в этот знаменательный день 100-летия со дня внесения в этот храм чудотворной иконы Божией матери «Споручницы грешных». В течение многих минувших лет от этой святой иконы происходили неисчислимые чудеса и знамения благодатной помощи всем, притекающим к ней. Когда человек находится на краю ужасной пропасти, и ему грозит неминуемая опасность, он видит вдруг протянутую ему руку помощи, чтобы поддержать и предохранить его от падения. Как должен быть благодарен человек этой сильной, спасающей его руке! А этой рукой для постоянно падающего от множества грехов человечества и является эта чудотворная икона Божией Матери «Споручницы грешных», ибо Сама Она говорит нам, что Она есть Поручительница за грешных людей перед Своим Сыном. Имея такую сильную защиту Божией Матери, мы не одиноки. Будем же молиться перед Ее чудотворной иконой с верою и упованием, что Она услышит всех искренне к Ней обращающихся и подаст скоро руку помощи и окажет Свое благодатное заступничество перед Божественным Своим Сыном», — заключает свое слово Святейший Патриарх.

После заключительного многолетия Святейший Патриарх благословил народ и отбыл.

Закончились празднества вечером 13 июня торжественной вечерней с пением канона и акафиста Божией Матери.

Даниил Двинский

Из Рижской епархии

ПРИБЫТИЕ В г. РИГУ МИТРОПОЛИТА ВЕНИАМИНА

19 февраля 1948 г. Рижская епархия встречала своего нового архипастыря Высокопреосвященного Вениамина, Митрополита Рижского и Латвийского, бывшего Митрополита Северо-Американского и Алеутского, Экзарха Московского Патриарха в Америке. Владыка Митрополит прибыл воздушным путем из Америки через Хельсинки (Финляндия) сперва в г. Ленинград, а отсюда по железной дороге в г. Ригу. На вокзале Владыку встретили представители Епархиального Совета и Рижско-градского духовенства. Владыка, в сопровождении встречавшего его духовенства, отбыл на автомашине в Троице-Сергиев женский монастырь, где были приготовлены ему покои.

Встреченный в ограде монастыря настоятельницей игуменней Тавифой с сестрами обители Владыка Митрополит с духовенством вошел в мона-

стырский храм, где был встречен монастырским священником и духовником — протоиереем Н. Барановичем, обратившимся к Владыке с приветственным словом от лица настоятельницы и сестер святой обители, в котором о. протоиерей выразил искреннюю радость насельниц монастыря по случаю благополучного прибытия дорогого Архипастыря в г. Ригу и поселения на место жительства в ограде обители. Выслушав краткий молебен и приложившись к местным святыням, Владыка Митрополит обратился в храме к собравшемуся духовенству, монашествующим и богомольцам с своим первым архипастырским словом на тему: «Радуйтесь! всегда радуйтесь, даже в скорбях, радуйтесь!»

Благословив всех присутствовавших, Митрополит Вениамин в сопровождении духовенства и монастырского хора, проследовал в игуменские покои, где был встречен игуменней Тавифой, поднесшей Архипастырю хлеб-соль, и схиигуменней Евгенией, бывшей настоятельницей монастыря, где дорогому гостю и встречавшему его духовенству гостеприимной игуменней был предложен обед.

24 февраля состоялось торжественное заседание Епархиального Совета под председательством Высокопреосвященного архиепископа Корнилия, временно управлявшего Рижской епархией, в присутствии вновь назначенного в Ригу Высокопреосвященного Митрополита Вениамина. На этом заседании состоялась передача и прием управления Рижской епархией Митрополитом Вениамином, что и было доложено рапортом Святейшему Патриарху Алексию. Были зачитаны на этом заседании письменные обращения Высокопреосвященных архиепископа Корнилия и Митрополита Вениамина, в которых архиепископ Корнилий приветствовал Митрополита Вениамина и Епархиальный Совет с благополучным прибытием в г. Ригу нового Архипастыря, а последний выразил благодарность архиепископу Корнилию за братское и любезное к нему отношение, а также особую благодарность Святейшему Патриарху Алексию за назначение на Рижскую епархию.

25 февраля в кафедральном соборе в день тезоименитства Святейшего Патриарха Алексия было совершено богослужение. Божественную Литургию и молебен совершали Высокопреосвященные Митрополит Вениамин и архиепископ Корнилий в сослужении всего рижскоградского духовенства. В конце молебна был прочитан и поднесен от рижского духовенства и Епархиального Совета бывшему управляющему Рижской епархией Высокопреосвященному архиепископу Корнилию адрес и художественной работы икона Божией Матери Иверской, празднование которой совершается в этот день — 25 февраля. Владыка Корнилий произнес прочувствованное ответное слово.

После этого торжественного богослужения в помещении Епархиального Совета был устроен завтрак в честь прибывшего в Ригу главы Рижской епархии Митрополита Вениамина и оставляющего епархию Владыки Корнилия, временно управлявшего Рижской епархией.

В тот же день вечерним поездом Высокопреосвященный архиепископ Корнилий отбыл в свою Виленскую епархию — в г. Вильню.

Благочинный церковей г. Риги протоиерей Н. Смирнов

ПАМЯТИ СХИИГУМЕНИИ ЕВГЕНИИ

10 марта 1948 г. после непродолжительной болезни тихо почил на 84 году своей жизни старица — схиигуменья Евгения (Постовская), бывшая настоятельница Рижского Троице-Сергиева монастыря. 11 марта в Сергиевском монастырском храме была совершена заупокойная Литур-

гия Высокопреосвященным Митрополитом Вениамином в сослужении 8 священнослужителей, а вечером у гроба покойной схиигумении был совершен парастас.

13 марта после великопостных часов и вечерни Владыка Митрополит со всем рижскоградским духовенством, совершил отпевание последней по глубокооумилительному монашескому чину.

Во время отпевания покойницу почтили прочувствованными и трогательными надгробными словами Владыка Митрополит, монастырский духовник — протоиерей Н. Баранович, соборный настоятель протоиерей И. Янсон и протоиерей И. Дубакин. По окончании отпевания траурная процессия в сопровождении монастырского духовенства, монахинь монастыря во главе с игуменией Тавифой и почитателей покойной направилась на Покровское городское кладбище, к месту упокоения почившей схиигумении на монастырском грунте, среди прочих погребенных здесь ее сестер во Христе.

Вечная память незабвенной всечестной матери схиигумении Евгении!

Протоиерей Н. Баранович

Из Ставропольской епархии

ОКОНЧАНИЕ УЧЕБНОГО ГОДА В СТАВРОПОЛЬСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

12 июня 1948 г. исполнилось два года существования Ставропольской Духовной Семинарии. На основании годовых оценок по предметам учебной программы все воспитанники были допущены к сдаче переводных испытаний. Результаты испытаний оставили чувство удовлетворения как у преподавателей, так и самих учащихся: ответы слушателей Семинарии показали хорошие знания, полученные в этом году. Чувствовалось, что работа в Семинарии велась систематически и подкреплялась большим прилежанием учащихся. Положительно характеризуется и нравственное настроение воспитанников, вполне отвечающее задачам и целям духовно-учебного заведения.

Экзамены сданы. Итоги годичной работы подведены и оформлены соответствующими документами. 14 июня в 10 часов утра весь коллектив семинарской семьи в полном составе преподавателей и учащихся явился в свой храм, чтобы достойно завершить пройденный годовой путь учебно-воспитательной работы молитвенным благодарением Господу, содействующему во всяком благом деле.

Чинно, стройными рядами стали учащиеся возле амвона. В полной тишине проходят минуты ожидания. Открываются царские врата. Из алтаря выходит о. ректор — протоиерей И. Богданович, обращается к слушателям с напутственным словом, в котором поздравляет их с окончанием учебного года, выражает свое глубокое удовлетворение по поводу их примерного поведения и проявленного трудолюбия. Преподав затем учащимся отеческое наставление о том, как они должны вести себя в свободное от занятий время, чтобы оправдать высокое звание питомца духовной школы, о. ректор пригласил всех вознести благодарственную молитву Господу Богу за благополучное окончание учебного года. Простые, но душевные слова о. ректора волнуют учащихся.

Началось молебное пение, совершенное о. ректором в сослужении духовника Семинарии, о. архимандрита Иоанна, священника Крестовой церкви о. Василия Котова и трех диаконов. Воспитанники с особым воодушевлением «едиными усты и единым сердцем» прославили Бога за все Его благодеяния. Закончился молебен многолетием Святейшему Патриарху,

Правительству, управляющему епархией, архиепископу Антонию, учащим и учащимся.

По окончании молебна воспитанники, напутствуемые теплою беседою инспектора, получили свои удостоверения и после праздничного обеда разъехались по домам.

А. Преображенский

Из Пинской епархии

КРАТКОСРОЧНЫЕ ПАСТЫРСКИЕ КУРСЫ ДЛЯ СВЯЩЕННО- СЛУЖИТЕЛЕЙ ПИНСКОЙ ЕПАРХИИ В г. ПИНСКЕ

Стараниями и заботой Высокопреосвященного Даниила, архиепископа Пинского и Лунинецкого, в мае — июне этого года организованы и проведены краткосрочные пастырские курсы для священнослужителей Пинской епархии, не имеющих законченного образования.

Схема организации курсов, предложенная на рассмотрение Учебного Комитета при Священном Синоде Московской Патриархии, получила одобрение Комитета и утверждение Святейшего Патриарха, разрешившего проведение курсов и преподавшего свое благословение на начало занятий.

Открытие курсов состоялось 18 мая в Пинской Свято-Николаевской архиерейской церкви и было предварено торжественным молебным пением участников курсов и многочисленных молящихся. После молебна в помещении Пинского Епархиального Управления, где происходили занятия курсов, курсанты были ознакомлены с задачей курсов, программой и порядком предстоящих работ.

Занятия на курсах происходили ежедневно, распадаясь на практическую и теоретическую части. Слушатели поочередно участвовали в совершении Божественной Литургии и других богослужений, церковных треб, произношении проповедей, уставном чтении и пении. Теоретическим занятиям было посвящено время между утренним и вечерним богослужением. В программу курсов входили следующие предметы: Вероучение и Нравоучение Православной Христианской Церкви, Священная История: библейская и евангельская, Православное пастырство, Литургика, Гомилетика, Церковная история: общая и отечественная, сектоведение и Конституция СССР.

Занятия, проводимые старейшими пастырями епархии, обладающими большой богословской эрудицией и педагогическим опытом, вызвали живой интерес у слушателей. Испытания, проведенные Высокопреосвященным архиепископом Даниилом, показали, что слушатели расширили свои знания и хорошо познакомились с системой самостоятельной работы.

Много внимания уделял курсам Владыка Пинский, Высокопреосвященный архиепископ Даниил, посещая занятия и своими ценными указаниями содействуя осуществлению задачи, поставленной перед руководством и участниками курсов.

Курсы прослушало 27 священнослужителей, из них 4 — в диаконском сане.

Оценивая с положительной стороны значение курсов, участники высказали пожелания о систематическом созыве их в будущем.

Курсы закончились 4 июня благодарственным молебном, совершенным Высокопреосвященным архиепископом Даниилом в сослужении преподавателей и участников курсов, при стройном пении мощного хора, составленного из курсантов. В своем слове Владыка архиепископ подчеркнул значение богословской эрудиции в жизни и деятельности православного пастыря и призвал возвращающихся к своему пастырскому труду



участников курсов умножать свои знания и заботиться о спасении своих пасомых, на благо Святой Церкви и Родины.

Протоиерей Константин Комар

Из Буковинской епархии

ОСВЯЩЕНИЕ ЦЕРКВИ

28 мая 1948 г. в г. Черновицах состоялось торжественное освящение престола в Вознесенской церкви, которая 4 года тому назад принадлежала ордену иезуитов и являлась оплотом воинствующего римо-католицизма.

После освобождения Буковины от фашистских захватчиков монахи-иезуиты выехали в Польшу, захватив с собой почти все имущество монастыря. Огромное здание Вознесенского иезуитского монастыря осталось на произвол судьбы. Но среди верующих, бывших католиков, несмотря на пропаганду иезуитов, нашлись люди, которые пожелали сохранить этот храм, молиться в нем, уже не под руководством католических пасторов, а под руководством православного духовенства. По ходатайству группы верующих, бывших католиков, гражданской властью г. Черновицы в ноябре 1945 г. храм был передан православным. Благодаря стараниям Церковного Совета и при содействии Преосвященного Андрея, епископа Черновицкого и Буковинского, храм, в котором был поставлен иконостас, престол и жертвенник, принял православный вид и 28 мая с. г. освящен Владыкой при участии местного духовенства.

После освящения храма Владыкой Андреем была совершена Литургия, по окончании которой в своем слове Преосвященный Андрей, говоря о значении храма для верующих, сказал, что «оплот католицизма по воле Божией стал православной святыней», и обратился к верующим с призывом беречь эту святыню.

Протоиерей Е. Барцевский

БИБЛИОГРАФИЯ

С благословения Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия, Московская Патриархия издала в едином Сборнике труды Его Святейшества, ранее печатавшиеся в разных изданиях Московской Патриархии в книгах «Правда о религии в России», М. 1942; «Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война», М. 1943 и в «Журнале Московской Патриархии» за 1943—1948 гг.

Издаваемые труды Святейшего Патриарха обнимают собою время с 1941 г. по настоящее время и в большей своей части являются отражением тех великих исторических событий, которые произошли в переживаемую нами эпоху в жизни Православной Русской Церкви и всего нашего Отечества.

Труды Его Святейшества расположены в этом издании по историческим событиям, в которых Святейший Патриарх принимал то или иное участие.

Они, эти труды, очень разнообразны как по содержанию, поскольку касаются большого количества исторических фактов, так и по форме (послания, слова, речи, доклады, статьи и пр.).

Но при всем их разнообразии они представляют собою единое целое по идее и духу, являясь исповеданием непоколебимой веры в Промысл Божий и в святость Православной Церкви Божией, заветы которой призывает нерушимо хранить Святейший Патриарх, а также выражением горячей любви к Матери-Родине. В этом — глубокое поучительное и назидательное значение предлагаемого Сборника.

Цена Сборника 25 руб. без пересылки.

Цена 10 руб.